

Чурупмумулладж Джинарадждаса

Письма "К. Х." Ч. У. Ледбитеру С комментарием Ч. Джинараджадасы

21 ноября 1883 Ч. У. Ледбитер подписал своё заявление-анкету, чтобы присоединиться к Теософическому Обществу; 1 марта 1934 он ушёл из воплощения. Единственным интересом в его жизни в течение пятидесяти одного года была работа для Т. О.; на его счетах великолепный капитал служения, предоставленного человечеству лекциями по теософии во многих странах и книгами по многим аспектам Древней Мудрости. Что же было в его жизни движущей силой, которая сделала его твёрдым и преданным до конца?

Эта движущая сила появилась в октябре 1884, когда он нашёл его Учителя. Именно тогда он был принят как "чела", или ученик, адептом, который называл себя Кут Хуми и подписывал свои послания этими двумя инициалами: "К. Х.". Как же м-р Ледбитер добился того, чтобы получить определённые письма от Учителя К. Х., и что было его ответом на них, необходимо исследовать, если мы хотим понять его и дело его жизни.

Первая глава биографии Ч. У. Ледбитера должна начинаться с этого инцидента.

Поскольку, когда значение этого инцидента понято, и когда его действие в это время правильно оценено, тогда мы сможем увидеть, почему пришла к нему возможность служения, и почему тысячи людей во многих странах — мужчин и женщин, мальчиков и девочек — смотрели на него как на отца, брата и друга, данного для руководства и вдохновения.

В 1883 м-р Ледбитер был священнослужителем англиканской церкви, занимая должность викария в округе Брэмшот, Гэмпшир, Англия. Он много лет глубоко интересовался спиритизмом, не вдохновенными посланиями духов через медиумов, но феноменами, выполненными теми духами, которые раскрывали не только существование скрытых сил в природе, но также и управляющих ими развоплощённых существ. Я позволю теперь м-ру Ледбитеру изложить свою историю.

М-р Вильям Эглинтон

“В ходе своих исследований спиритизма я соприкоснулся с большинством выдающихся медиумов того времени, и видел (как уже ранее говорилось) почти все обычные феномены, о которых можно прочесть в книгах, посвящённых этому предмету. Одним медиумом, с которым у меня было много дел, был м-р Эглинтон, и хотя я слышал о нём много плохого, сам я могу засвидетельствовать, что, лично имея с ним дело, я нашёл его очень честным, разумным и любезным. У него было несколько так называемых духов-руководителей. Одним из них была индейская девочка, называвшая себя Ромашкой (Дэйзи), которая обильно болтала по всякому поводу к месту и не к месту. Другим духом был высокий, под 1 м 90, араб по имени Абдулла, который никогда ничего не говорил, но производил примечательные явления. Я видел, как одновременно он поднял двух грузных мужчин, держа по одному в каждой руке.

Третьим руководителем, который часто являлся, был Эрнест; он материализовался сравнительно редко, но часто говорил чётким голосом и писал характерным почерком, демонстрирующим образованность. Однажды в разговоре с ним были упомянуты Учителя Мудрости. Эрнест отозвался о них с самым глубоким почтением и сказал, что в различных случаях имел привилегию видеть их. Я сразу же спросил, готов ли он взять на себя труд передать им сообщение или письмо, и он сказал, что охотно это сделает и доставит письмо, когда представится возможность, но не может точно сказать, когда именно это может произойти.

Возвращаясь к своей истории. Я сразу же принял предложение Эрнеста, но с одной оговоркой. Я сказал, что напишу письмо к одному из этих Великих Учителей и вручу ему, если мой друг и учитель, м-р Синнетт, не будет против. При упоминании этого имени "духи" пришли в большое возбуждение.

Особенно разозлилась Дэйзи, заявив, что не хочет иметь дела с Синнеттом ни при каких обстоятельствах. Почему? "Он называет нас призраками", — сказала она с огромным негодованием.

Однако я вежливо настаивал, сказав, что всё, что я знаю о теософии, пришло ко мне через м-ра Синнетта, и потому мне не представляется справедливым действовать за его спиной или пытаться найти какие-то иные средства сообщения, не посоветовавшись сначала с ним. Наконец, хотя и с большой неохотой, духи на это согласились, и сеанс был вскоре завершён. Когда Эглинтон вышел из транса, я спросил, как же мне послать письмо Эрнесту, и он ответил, что если я вручу ему письмо, он положит его в особый ящик, висящий на стене, из которого Эрнест сможет взять его, когда пожелает. Я написал Синнетту и спросил его мнение обо всём этом. Он сразу же этим заинтересовался и посоветовал мне принять предложение и посмотреть, что из этого выйдет”.

Письмо Учителю

“Затем я отправился домой и написал три письма. Первое было к Учителю К. Х., и в нём я со всем почтением сообщил, что с тех пор, как я впервые услышал о теософии, моим единственным желанием было стать его учеником. Я сообщил ему о своих тогдашних обстоятельствах, и спросил, необходимо ли те семь лет испытания, о которых я слышал, провести в Индии. Я поместил это письмо в маленький конверт и аккуратно запечатал его своей собственной печатью.

Затем я вложил его в письмо к Эрнесту, в котором я напомнил ему о его обещании, попросив передать это письмо и доставить мне ответ, если таковой будет. Это письмо я запечатал так же, как и первое, а затем, в свою очередь, вложил его в краткую записку к Эглинтону, в которой просил поместить письмо в ящик и дать мне знать, если на него обратят какое-нибудь внимание. Я попросил друга, остановившегося у меня, исследовать обе печати под микроскопом, чтобы, когда мы снова увидим их, можно было узнать, не мухлевали ли кто с ними. В ответ я получил записку от Эглинтон, где говорилось, что он исправно поместил письмо для Эрнеста в его ящик, и оно уже исчезло, так что если поступит какой-нибудь ответ, он сразу же перешлёт его мне. Через несколько дней я получил письмо, адресованное незнакомым мне почерком, а, открыв его, я обнаружил в нём свое собственное письмо Эрнесту, по всей видимости, нераспечатанное. Имя "Эрнест" на конверте было зачеркнуто, а под ним карандашом было написано мое собственное имя. Мы с другом сразу же исследовали печать под микроскопом и не смогли найти никаких признаков того, что кто-либо манипулировал с письмом, и мы оба согласились, что совершенно невозможно, чтобы кто-то его открывал. Тем не менее, вскрыв конверт, мы обнаружили, что моё письмо к Учителю исчезло. Всё, что я нашел внутри — это мое собственное письмо к Эрнесту, с добавлением нескольких слов, написанных хорошо знакомым мне почерком на чистой странице. Там сообщалось, что письмо исправно вручено Великому Учителю, и что, если в будущем я буду сочтён быть удостоенным ответа, Эрнест с радостью мне его передаст.

Я прождал несколько месяцев, но ответа не было, и когда бы мне на сеансах Эглинтон ни случалось встретить Эрнеста, я всегда спрашивал его, когда же можно ожидать ответа. Он неизменно отвечал, что моё письмо было должным образом доставлено, но об ответе ещё ничего не известно, и больше он ничего предпринять не может”.¹

Письмо, упомянутое выше, было послано Учителю К. Х. 3 марта 1884. 1-го ноября того года мадам Блаватская должна была плыть в Индию с м-ром и м-с Купер-Оукли. За два дня до этого, 30-ого октября, м-р Ледбитер приехал в Лондон, чтобы попрощаться с Е.П.Б., и остановился на ночь у м-ра и м-с Синнетт.

¹ ” Как теософия пришла ко мне”, стр. 29–35 (Перевод К. З.).

Тем вечером "Д. К." (Учитель Джуал Кхул) сообщил ему через Е.П.Б., что ответ на его письмо от 3-го марта Учитель послал, но ничего не было сказано относительно его содержания.

Утром 31-го октября м-р Ледбитер возвратился в Липхук (станция в округе Брэмшот) поездом, идущим в 11.35 от станции Ватерлоо. Поскольку Липхук находится в сорока семи милях от Лондона, он достиг Брэмшота в течение одного часа. Там он нашёл письмо, которое я воспроизвожу.²

Первое письмо учителя К. Х. Ч. У. Л

Прошлой весной, 3 марта, вы написали мне письмо и доверили его "Эрнесту". Хотя сама бумага так и не дошла до меня — да и вряд ли могла, учитывая природу посланника — содержание её дошло. Я не ответил на письмо тогда, но послал вам предостережение через Упасику.

В этом вашем послании было сказано, что после чтения "Эзот. буддизма" и "Изиды", вашим "единственным большим желанием было стать *моим челой*, что вы желали бы узнать больше истины ". "Как я понял из высказываний м-ра С[иннетта], — продолжали вы, — будет почти невозможно стать челой, не отправившись в Индию." Вы надеялись, что сможете сделать это через несколько лет, так как узы благодарности обязывают вас пока оставаться в этой стране, и т. д. Теперь я отвечаю на вышесказанное и другие ваши вопросы.

1. Находиться в Индии, в продолжение семи лет испытания необходимости *нет*. Чела может провести их где угодно.

2. Принятие какого-либо человека в качестве челы не зависит от моей личной воли. Это может быть лишь результатом его личных заслуг и усилий в этом направлении. *Вынуждайте* одного из "Учителей" по своему выбору; делайте добрые дела во имя его и ради любви к человечеству; будьте чисты и непоколебимы на пути праведности (как заповедано в *наших* правилах); будьте честны и неэгоистичны; забудьте своё "я", чтобы помнить о благе других людей — и вы *заставите* этого "Учителя" принять вас.

Это требуется от кандидатов в периоды, когда развитие вашего Общества ничем не нарушается.

² В письме особый почерк. Оно не написано рукой, но "осаждено" в результате процесса, который требует использования оккультных сил. Учитель К. Х. описывает процесс следующим образом в двух письмах м-ру Синнетту:

"Кроме того, учтите, что эти мои письма не написаны, а отпечатаны или "осаждены", а затем исправлены все ошибки..." "Осаждаю" ли я, диктую или сам пишу — разница во времени очень мала. Сначала мне нужно подумать, сфотографировать каждое слово и предложение тщательно в своём уме, прежде чем оно может быть повторено "осаждением". Как фиксирование на химически подготовленной поверхности изображений, созданных фотографической камерой, требует предварительного приведения аппарата в фокус снимаемого объекта (ибо иначе, как это бывает у плохих фотографов, ноги сидящего не получаются пропорциональными по отношению к голове и так далее), так же и нам приходится сперва располагать наши фразы и запечатлеть в уме каждую букву, прежде чем она становится годной для чтения. Пока что это всё, что я могу сказать. Когда наука больше узнает о тайне литофила (или литобиблиона), и каким образом отпечатки листьев появляются на камнях — тогда я буду в состоянии лучше объяснить вам этот процесс" ("Письма Махатм А. П. Синнетту", стр.19, 22).

Есть второе описание осаждения в письме Е.П.Б. м-ру Синнетту. После упоминания, что осаждённое письмо покажет под микроскопом "несколько слоев различных материалов — графит, порошок, чернила и т. д.", Е.П.Б. описывает, как она наблюдала своего собственного Учителя, Учителя М., в работе по осаждению.

"Я часто видела М. сидящим с книгой самых замысловатых китайских иероглифов, которые он хотел скопировать, кроме того, перед ним всегда лежала тетрадь с чистыми листами; при этом он обычно сыпал перед собой щепотку чёрного графитового порошка, а затем слегка растирал его по странице, после чего поверх него осаждал краску и тогда, если изображение иероглифов было, по его мнению, вполне приемлемым и правильным, то скопированные иероглифы оказывались нормальными, а если же его случайно отрывали от его занятия, возникала путаница, и вся работа шла насмарку". ("Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту", стр.32).

Однако, когда теософии, делу Истины, приходится стоять не на жизнь, а на смерть перед судом общественного мнения — самым легкомысленно жестоким, предубеждённым и несправедливым из всех судов — должно быть сделано нечто большее. К тому же нужно учитывать коллективную карму *касты, к которой вы принадлежите*. Нельзя отрицать, что дело, близкое вашему сердцу, сейчас страдает по причине тёмных интриг, подлого заговора христианского духовенства и миссионеров против Общества. Они не остановятся ни перед чем, чтобы подорвать репутацию Основателей. Вы готовы добровольно искупить *их* грехи? Тогда поезжайте в Адьяр на несколько месяцев. "Узы благодарности" от этого не порвутся и даже не ослабнут из-за вашего отсутствия в течение нескольких месяцев, если этот шаг будет благовидно объяснён вашему родственнику. Тот, кто хотел бы сократить годы испытаний, должен жертвовать ради теософии.

Подтолкнутое злобными руками к самому краю пропасти, Общество нуждается в каждом человеке, достаточно сильном для дела Истины. Чтобы пожать плоды заслуг, нужно именно *делать* благородные дела, а не просто их планировать. Как для "истинного человека" Карлайла, не соблазняющегося легкостью, для сердца *истинного* челы в час испытаний "действенными *приманками* являются трудности, самоотречение, мученичество и смерть".

Вы спрашиваете меня: "Какие правила я должен соблюдать во время этого испытательного срока и как скоро я осмелюсь надеяться, что он может начаться?". Я отвечаю: "Ваше будущее в ваших собственных руках, как показано выше, и каждый день вы можете ткать его ткань. Если бы я *потребовал*, чтобы вы сделали то или иное вместо того, чтобы просто посоветовать, я бы нёс ответственность за каждое следствие, вытекающее из этого шага, а ваша заслуга была бы второстепенной. Подумайте, и вы увидите, что это правда. Так что поручите свою судьбу Справедливости, никогда не опасаясь, ибо её ответ будет абсолютно истинным.

Челство — стадия обучения так же, как испытания, и лишь от самого челы зависит, закончится ли оно адептством или провалом. Из-за ошибочного представления о нашей системе челы слишком часто выжидают и ждут приказов, тратя ценное время, которое можно было бы заполнить личными усилиями. Наше дело нуждается в миссионерах, энтузиастах, посредниках, и даже, пожалуй, в мучениках. Но оно не может требовать от кого-либо сделаться таковым. Так что выбирайте теперь и возьмите свою судьбу в свои руки — и пусть память нашего Господа Татхагаты поможет вам принять лучшее решение.

К. Х.

КОММЕНТАРИЙ

Поскольку это письмо Учителя будет вдохновлять изучающих оккультизм, я предполагаю в духе древних комментаторов Вед и Упанишад прокомментировать все его фразы, которые требуют разъяснения, чтобы донести полные значения мысли Учителя.

Прошлой весной, 3 марта...

Как уже было упомянуто, это было 3 марта 1884, когда м-р Ледбитер написал письмо Учителю. Он отправил его с "Эрнестом", духом, манеры которого уже были описаны им.

...доверили его "Эрнесту".

Главным "контрольным" духом медиумов был Джон Кинг, который утверждал, что был сэром Генри Морганом, английским пиратом, который разграбил город Панаму в 1671.

В некоторой степени Джон Кинг был "боссом" духов и держал их в подчинении. Но "Эрнест" никогда не раскрывал, кем он был в воплощении.

... учитывая природу посланника...

Эрнест ошибался, когда он думал, что он может войти в присутствие адептов, даже доставить письмо, как бы ни запрещали они делать это. Но это выглядит, как будто Эрнест просто солгал, пытаясь сделать любезность м-ру Ледбитеру, когда он обещал доставить письмо. М-р Ледбитер комментирует это следующим образом:

“В связи с этим я могу упомянуть, что потом получил хороший пример ненадёжности всех таких сообщений. Довольно приличное время спустя один спирит написал в газету "Лайт", что таких персон, как Учителя, существовать не может, поскольку Эрнест определённо сказал ему об этом. Я написал в ту же газету, что от точно того же бесценного авторитета я получил утверждение, что Учителя существуют, и Эрнест хорошо с ними знаком. Очевидно, он в каждом случае отражал мысль вопрошающего, как часто делают подобные существа”.³

...содержание её дошло.

Годы спустя, когда м-р Ледбитер был в состоянии через развитие своей психической силы общаться непосредственно с Учителем без помощи какого-либо посредника, тот сообщил ему, что, когда он (Ч. У. Л.) писал письмо в своём доме в Брэмшоте, прямо здесь Учитель читал письмо. Поэтому, хотя Эрнест никогда не доставлял письма, и оно никогда не было получено Учителем, "содержание [бумаги] дошло".

...послал вам предостережение через Упасику.

Слово упасика — это существительное женского рода, образованное от палийского слова упасака. Упасака — мужчина, который берёт "восемь обетов", упасика — женщина, взявшая те же самые обеты. (Буддийский монах берёт еще два обета, кроме этого).

Самые близкие западные аналоги — мирской брат и мирская сестра. Упасика — слово, часто используемое Учителями для Е.П.Б., так как во время её пребывания с ними в Тибете она взяла обеты мирской сестры. Посланное предостережение было намеком Е.П.Б. м-ру Ледбитеру, чтобы смягчить его энтузиазм по поводу спиритических феноменов; но она не упомянула тогда, что оно было от Учителя. Следовательно, м-р Ледбитер не знал в то время, что Учителю известно о его предложении служения и преданности.

...узы благодарности обязывают вас...

М-р Ледбитер был в это время одним из двух викариев, или помощников священника, англиканской церкви в округе Брэмшот, Липхук, Гэмпшир. Пастором, или приходским священником, был преподобный У. У. Кейпс, который также был сельским деканом. М-р Кейпс, дядя м-ра Ледбитера, был оксфордским профессором, преподавателем древней истории в университете, стипендиатом Королевского колледжа и в течение некоторого времени преподавателем Хартфордского колледжа. Отец м-ра Ледбитера умер за несколько лет до этого, и он был единственным оставшимся сыном; семья была состоятельной, но его мать и он потеряли всё после краха крупного банка. Это потребовало, чтобы он начал работать как можно раньше; некоторое время он был клерком в известном банке Вильямс Диконс и Ко. Но работа была, естественно, примитивной, чуждой ему по духу. Он тяготел к католицизму в своих духовных склонностях и был близко связан с работой церкви “Всех святых”, Маргарет стрит, Лондон.

Поскольку дядя был влиятельным лицом в духовных кругах, было бы логично, что племянник пойдёт по его стопам.

³ ” Как теософия пришла ко мне”, стр. 31 (Перевод К. З.).

После обычной учёбы он был 22 декабря 1878 принят дьяконом Винчестерского епископа Гарольда Брауна и 21 декабря 1879 посвящён в сан в приходской церкви св. Эндрю, Фарнхэм, Суррей. Когда его приняли как дьякона, он получил право служить vikarием в Брэмшоте, очень большом округе. В учебное время пастор преподобный м-р Кейпс был часто в Оксфорде на своей университетской работе, и текущие дела большого округа в значительной степени возлагались на этих двух vikarиев. Поэтому м-р Ледбитер чувствовал, что он не сможет уехать в Индию, не создав трудности для его дяди, для которого он должен был срочно найти замену.

...находиться в Индии...

Так как теософическое движение было инициировано двумя адептами, которые живут в индийских телах, и так как большое количество адептов находится также в восточных телах, естественно, среди ранних теософов имела хождение идея, что не будет никакого реального духовного роста и оккультного продвижения, если не поехать в Индию. Эта идея всё ещё преобладает среди тех, кто в Европе и Америке верит в существование Учителей. В тех странах сотни людей думают, что какое-либо духовное продвижение не может быть начато, если они не приложат всех усилий, чтобы освободиться от их западной среды и прибыть в Индию в поисках Учителя.

Только после того, как придёт понимание истинной природы адепта — что его сознание может свободно функционировать в любой части мира, и что его ум мгновенно реагирует на невидимо вспыхивающую искреннюю мысль претендента, придёт знание, что совсем необязательно оставлять своё место жительства, чтобы приблизиться к Учителю.

Все мы, кто — "сыновья Учителя", знаем по своему опыту, что ему известно о каждой нашей мысли и чувстве, независимо от того, где мы находимся, и как он даёт свои указания по вопросам служения ему. Из нескольких случаев, демонстрирующих информированность Учителя, находящегося на расстоянии в тысячи миль, я выбрал два.

В 1884 году одним из наиболее преданных членов Теософического Общества была мисс Франческа Арундэйл. Она получила в Лондоне длинное письмо от Учителя К. Х. (опубликовано в "Письмах Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XX), бывшего в это время в Тибете, из которого я взял три извлечения: (1) "Я наблюдал за многими вашими мыслями, за их молчаливой эволюцией и сильными желаниями вашей сокровенной души; и с того самого времени, как ваш обет позволяет мне поступать таким образом, у меня есть нечто сообщить вам о вас самих и о тех, кого вы любите. Я воспользуюсь этой благоприятной возможностью написать прямо вам и сказать несколько слов". (2) "Нечаянно услышав ваш разговор с Е.П.Б. в ночь её приезда, я могу сказать, что вы правы". (3) "Она [мать мисс Арундэйл] подсознательно причиняет себе вред, большой вред, не обуздывая свой характер. Она тянет к себе плохие "астральные" влияния и создает ток, столь антагонистический нашему, что мы часто вынуждены с грустью удаляться".

Второй случай с адептом, сразу знающим, что происходит за тысячи миль от него, имеет отношение к полковнику Г. С. Олькотту. В 1888, когда он следовал к Лондону для встречи с Е.П.Б., он был на борту парохода, который приближался к Бриндизи. Будучи ранним утром в день прибытия на палубе, он почувствовал в себе раздражение против Е.П.Б., думая, что её политика в Европе ведет к разделению Общества. Когда он возвратился в свою каюту, сверху упало длинное письмо от Учителя К. Х. с советами и инструкциями относительно ситуации, которую он найдёт в Лондоне ("Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XIX). В письме содержатся такие предложения.

"Один из наиболее ценных результатов миссии Упасики заключается в том, что она направляет людей к самообразованию и разрушает в них слепое раболепие перед личностями. Проанализируйте, к примеру, свой случай.

Но ваше возмущение, добрый друг, против её "непогрешимости" — как вы однажды изволили подумать — зашло довольно далеко, и вы были несправедливы по отношению к ней, за что, простите на слове, вам придётся пострадать в будущем вместе с другими. Как раз сейчас на палубе ваши мысли о ней были дурны и грешны, поэтому я считаю этот момент подходящим для того, чтобы обязать вас быть настороже".

Таким образом, мы видим, что расстояние не имеет никакого значения для адепта, и что, хотя он может быть за тысячи миль, его внимание будет немедленно привлечено к любому, кто искренне и глубоко стремится, или к любому из его учеников, поскольку они работают для их Учителя. Одним из Учителей было сказано, что сегодня в мире так мало тех, кто бескорыстно желает служить человечеству или тоскует по истинной духовности, и везде, где искренняя душа ищет Света, это — как будто в совершенно тёмной долине кто-то зажигает свечу. Свеча может быть маленькой, но столь велика окружающая темнота, что её свет далеко заметен. Вот поэтому человек, который ищет просто, бескорыстно, напряжённо путь к Свету, сразу становится известен Учителям, в какой бы части мира он ни находился. И по мере его стремления и его способности к получению Света Мудрости, тот Свет даётся ему. Следовательно: "Находиться в Индии в продолжение семи лет испытания необходимости *нет*. Чела может провести их где угодно".

...не зависит от моей личной воли.

Здесь впервые мы находим идею, которая имеет нечто противоположное тому, что было обычной концепцией относительно принятия ученика учителем оккультизма. В Индии была распространена с незапамятных времен традиция принятия ученика, согласно которой кандидат должен был только пойти к гуру и сказать: "Сэр, примите меня", а гуру ответил бы: "Пусть будет так". Верно, что в одной из Упанишад учитель отвечает кандидату: "Возвращайтесь через год", и что утвердительный ответ был дан во второй раз, в конце первого года.

Учитель К. Х. разъяснил, что в оккультизме отношение между Учителем и учеником не сентиментально; и должно быть результатом от приведения в движение определённых сил самим учеником. Эта идея передана в словах, что это отношение "может быть лишь результатом его личных заслуг и усилий в этом". Только после углублённого ознакомления с тем, что является работой адепта, можно понять, что Учитель не только преподаватель духовных истин, но и, по существу, великий исполнительный агент, который обращается с силами Логоса и ответственен даже за их малейшее использование. В отношениях между Учителем и учеником подразумевается, что Учитель должен использовать некоторые из тех сил, которые находятся в его власти, чтобы помочь ученику. Поэтому перед тем, как направить те силы ученику, у него должна быть полная уверенность в том, что ученик возвратит в резервуар Учителя больше силы, чем он получил от него.

Вынуждайте одного из "Учителей"...

Ничем не мог он поразить больше, чем использованием слова "*вынуждайте*" и подчёркиванием этого, чтобы привлечь специальное внимание к реализации мысли. Есть оккультное высказывание: "Стучите, и откроется вам"; но из этого не следует, как было объяснено в "Свете на Пути", что простое желание со стороны кандидата — реальный "стук" в оккультном значении слова.

"Просящие получают. Но, хотя обыкновенный человек и просит постоянно, его голос не будет услышан. Ибо он просит не духом, а умом, голос которого раздаётся только в сфере мысли" ("Свет на Пути"). Кандидат должен так определить направление всех своих мыслей и чувств, чтобы они сходились в надежде на то, чтобы быть принятым как ученик.

Если такое определение претворено в действие день за днём, это может иногда быть в течение многих лет, он "стучит" в дверь Учителя, и Учитель, как агент Благого Закона, должен открыть дверь, поскольку кандидат "заставил этого "Учителя"".

..."Учителей" ...

Это примечательно, что Учитель К. Х. в письме дважды помещает слово "Учитель" между кавычками. Подобным образом в письме мисс Ф. Арундэйл, написанном за несколько месяцев до этого письма м-ру Ледбитеру, Учитель пишет "Учителя", упоминая адептов. Это примечательно, так как обращает внимание на факт, что адепты никогда не называли себя "Учителями", но просто "Братьями". Достаточно естественно, что, когда началась переписка между м-ми А. П. Синнеттом и А. О. Хьюмом и адептами, слово Учитель было применено к ним, возможно потому, что и Е.П.Б. и полковник Олькотт использовали это слово. Но Великие не учителя, первичная задача которых состоит в том, чтобы дать инструкции в философии и разъяснить проблему Освобождения. Они ясно дали понять нам, что их задача — помочь уменьшить человеческое страдание, и что они интересуются прежде всего миллионами, т. е. человечеством в массе. Действительно, единственная трудность, которая возникла между европейскими теософами и Учителями в 1880–1884, состояла в том, что первые оказались изначально неспособными понять, что Учителя не учителя, демонстрирующие оккультные феномены с целью убедить скептический Западный мир, но самые чистые из филантропов, неустанная работа которых должна "немного облегчить тяжелую карму мира".

...делайте добрые дела во имя его...

Во всех странах и во все времена проблема духовной жизни всегда одна и та же, потому что фундаментальные законы раскрытия души не изменяются. Но всегда есть вариации в основах, которые пытаются описать жизнь духа. В индийских религиях есть два потока, которые идут параллельно друг другу, но редко объединяются. Один поток — поток милосердия. Индийская религия внушает сострадание, отзывчивость и потребность в добродетельном человеке, постоянно знающем о проблемах и бедствиях тех, кто беден, болен и испытывает муки. Второй поток — тот, который обращает внимание души на её собственное Освобождение.

Один метод, которым достигается это Освобождение — через самообучение философской отстранённости, не прибегая к опоре на личного бога, помогающего в процессе. Это — тема философской школы санкхья, буддизма и "чистой" веданты Шанкарачарьи. Второй метод — через самоотречение и преданность личному богу или аватару, как Шри Кришна в индуизме или Иисус Христос в христианстве. Особенность индусской духовной жизни состоит в том, что каждый человек ищет своё Освобождение пристально и настолько стремительно, насколько возможно, не посвящая себя нуждам других за исключением благотворительности и помощи пострадавшим. Следовательно, это идеал санньяси в индуизме и тхера в буддизме.

Но важная особенность христианской духовной жизни в том, что любовь к богу не должна быть отделена от милосердия к ближним. Правда, монашеская жизнь всегда была таким идеалом в христианстве; все же христианство больше, чем любая другая религия, подчеркнуло близкую связь общественного служения и поклонения богу. У христианских монахов и монахинь даже есть несколько Орденов, которые особенно посвящают себя облегчению участи страдающих. Их развитие было вдохновлено словами Христа, где Он объявляет, что Он показал Его присутствие для тех, кто находится в нужде и страданиях. "Поскольку вы сделали это одному из меньших Моих братьев, вы сделали это Мне". Отсюда развился идеал комбинации поклонения и служения во фразе: "Во Имя Его".

Поэтому мы находим в христианстве союз милосердия и поклонения; его составляющие могут быть разделёнными, но в самой благородной христианской жизни они всегда были единством.

Именно эту концепцию практической жизни оккультиста — стремиться служить Учителю, и в то же самое время остро ощущать потребности своего ближнего, Учитель К. Х. раскрывает в этих поразительных словах — "делайте добрые дела во имя его".

В Индии люди думают об Учителе особенно, не как о простом философском образце духовной жизни, но как о том, кто есть само воплощение божественности, проявленное в физическом теле. Поэтому божественность объявлена, как поддающаяся обнаружению везде, где может быть найден Учитель. Так сегодня в Индии, как и в прошлые эпохи, люди блуждают с места на место, "ища гуру". Но когда все поймут, что каждый из великих Учителей находится в связи с каждым случаем в мире и в каждом месте с помощью сил, которые являют его как адепта, тогда все узнают, что "найти гуру" не вопрос путешествия с места на место, но внутреннего изменения сердца и ума.

...и ради любви к человечеству...

Есть большое реальное милосердие, не для любви к человечеству, но или для любви к богу, или для того, чтобы "накопить хорошую карму." В определённых восточных религиях благодетельный человек занимается "даной", или даянием, потому что он надеется таким образом приобрести "пунью", или заслугу, то есть хорошую карму, приводящую к мокше, или нирване. Среди христианских монахов и членов светских орденов, которые посвящают себя служению, участие в акциях милосердия обычно делается для бога и служения, но не из простой любви к человеку. Я хорошо помню посещение учреждения для престарелых в одной из стран Центральной Америки, когда я был поражён терпением монахини, ответственной за работу с трудноизлечимыми престарелыми мужчинами и женщинами. Продемонстрированная выдержка была настолько большой, что я произнёс несколько слов восхищения по поводу реальности человеческого братства, показанного ею.

Но её ответ поразил меня: "Мы делаем это, чтобы понравиться богу". Я не сомневался в том, что это было истинное и прекрасное служение; но это не было "любовью к человечеству", той нежностью к нашим ближним только потому, что они — люди, которая подразумевается в теософическом идеале Братства. Именно этот идеал Братства, "любовь к человечеству", Учитель К. Х. взыскивает с того, кто стремится стать его челою.

Он, несомненно, одобряет милосердие, проявляемое, "чтобы понравиться богу"; такое милосердие никоим образом не умаляет институт ученичества. Но Учитель — Бодхисаттва, и ему нужны такие чела, которые переполнены "любовью к человечеству", чтобы он мог излить свою любовь лучше всего и сделать их своими лучшими агентами.

...как заповедано в наших правилах...

Каждая религия даёт определённые правила поведения относительно того, что является "Путем Праведности". Но со сменой эпох слово "праведность", или дхарма, как это называют на санскрите, стало использоваться, чтобы покрыть собой все виды действий и церемоний, которые по мере необходимости объявлялись священником и религиозными иерархами якобы для праведности, или дхармы, но у которых не было никакого отношения к истинной Праведности. Каждая религия полна заповедей, которые, как предполагают, были даны божественным законодателем, но которые, как показывают исторические исследования, были результатом извечного роста священнической эксплуатации или неосведомлённого суеверия народов. В Индии было время, когда "сати", или самопожертвование вдовы на похоронном костре её мужа, объявлялось священниками и законодателями как дхарма, или закон бога.

Всего лишь несколько лет назад в Англии брак с сестрой умершей жены считался противоречащим этике и был запрещён согласно закону. Закон теперь изменён, но англиканская церковь всё ещё не позволяет в таких случаях проводить торжественную церемонию бракосочетания в её храмах. Паранджа, или вуаль для женщин на публике, а в домашних условиях содержание их в изоляции от мужчин объявлены мусульманами как заповеди пророка Магомета и, следовательно, бога. Многобрачие запрещено небольшим количеством религий, но разрешено в других. Сексуальные табу различных видов требуют божественной санкции, как среди диких, так и среди цивилизованных народов. Вся цивилизация полна ограничений, которые разрешают или нет, согласно тому, как диктуют традиции и обычаи.

Адепт, однако, не заинтересован в соглашениях преходящих цивилизаций и вероучений, но только в фундаментальных фактах, которые лежат в основе правильной мысли, чувства и действия. Критерий адепта относительно правды или неправды в каждом обычае, который объявлен как божественный, находится в ответе на вопрос: "Не содержится ли здесь зачатка жестокости?" Следовательно, использование Учителем поразительной фразы "как заповедано в *наших* правилах" с подчеркиванием слова "наших" обращает, таким образом, специальное внимание на правила адептов, а не на правила традиций или этики.

...периоды, когда развитие вашего Общества ничем не нарушается.

Учитель уже сослался на семь лет испытания, которое чела может пройти где-нибудь; но это правило имеет дело с нормальным ходом событий. Но есть определённые периоды необычного напряжения, когда потребности Великой Работы особенно неотложны.

При таких ненормальных обстоятельствах имеют место модификации нормального правила. Такой кризис случился в 1884, когда христианские миссионеры Мадраса придумали заговор — с помощью двух служащих Теософического Штаба доказать, что это Е.П.Б. написала своей собственной рукой письма от адептов, и что существование Учителей было просто плодом её воображения, которое она навязывала своим доверчивым ученикам.

Теперь, на старте Теософического Общества работа Е.П.Б. под руководством Учителей не была простой философской деятельностью; она была для "дела Истины", если использовать фразу Учителя. На существование и продвижение Общества были рассчитаны обширные планы адептов по возрождению человечества. Атака миссионеров на Общество с целью разрушить его была нападением на человечество, однако немногие поняли это. Миссионеры думали, что они "служили богу", но они, в действительности, делали прямо противоположное.

...приходится стоять не на жизнь, а на смерть...

Необходимо остановиться более подробно на ситуации в Теософическом Обществе, к которой обращается Учитель, в 1884 году. Я только что упомянул, что была атака на Общество со стороны христианских миссионеров Мадраса. Происхождение нападения было следующее. В Каире в 1871 Е.П.Б. познакомилась с французом м-ром Куломбом и его женой-англичанкой, бывшей в девичестве Эммой Каттинг. В 1878 Е.П.Б. и полковник Олькотт приехали в Индию и учредили в Бомбее Штаб Общества.

Где-то приблизительно в это время Куломбы были в Галле, Цейлон, где они открыли пансион. Это предприятие было на грани краха, когда мадам Куломб написала Е.П.Б. о ссуде. Е.П.Б. ответила, что, если бы она захотела приехать с её мужем в Индию, то работа для них нашлась бы. Таким образом, Куломбы прибыли, и им была предоставлена работа, какую можно было найти. Муж имел опыт в плотницком деле, и ему было обеспечено место на фабрике; но он потерял его, и тогда ему нашли работу по месту жительства основателей. Мадам Куломб дали работу по управлению домашним хозяйством.

Позже Куломба определили отвечать за маленькую библиотеку Общества, а его жене дали простую секретарскую работу. Когда основатели уехали в Мадрас в 1882, Куломбы также переехали и проживали в новом Штабе в Адьяре.

В феврале 1884 Е.П.Б. и полковник Олькотт уехали в Европу. Руководство Штабом было тогда отдано в руки Управляющего Совета. Совет вскоре нашёл, что мадам Куломб многократно пыталась получить ссуду от участников, приезжавших в Адьяр. Сразу возникли затруднения между Управляющим Советом и мадам Куломб, и, наконец, Совет уволил и мужа, и жену.

После того, как основатели в феврале уехали, никто не проживал в верхней части здания, где была комната Е.П.Б... Смежной с ней была маленькая комната, названная "комнатой — часовней", где висел раздвижной деревянный ящик, названный "алтарём". Именно в этот "алтарь" Учителя имели привычку помещать свои осаждённые письма. В течение нескольких недель вряд ли кто-нибудь поднимался наверх кроме Куломбов.

Они замыслили заговор, который позволял им отомстить за себя Обществу и Е.П.Б., как уже было упомянуто. Куломб был опытным плотником, и он придумал деревянную скользящую панель позади "алтаря", а также сделал отверстие в стене позади неё со второй скользящей панелью. Стена в этом месте была тонкой, поскольку был "стенной буфет" с другой стороны в комнате Е.П.Б...

Здесь вступает в историю один из её самых позорных факторов. Это — роль, сыгранная в заговоре христианскими миссионерами Мадраса. С самого начала работа Т. О. по возрождению индийской религии и культуры, конечно, начала создавать препятствия на пути усилий миссионеров. С каждым годом их работа становилась тяжелее, потому что основатели Т. О. и группа его работников вдохновляли индусов восстанавливать свою древнюю культуру, как и буддистов острова Цейлон — восстанавливать буддизм. В Индии были основаны санскритские школы, а на острове Цейлон — народные школы. Была начата работа по переводу священных писаний индусов и буддистов, и, таким образом, была развёрнута пропаганда против миссионерской прозелитизации.

Поэтому, когда Куломбы пришли к миссионерам с их выдумкой скользящей панели в "алтаре", миссионеры увидели прекрасную возможность для того, чтобы уничтожить Теософическое Общество и его работу. Они поверили Куломбам, финансировали их и начали наступление на Общество в миссионерском журнале. Предлагалось так называемое свидетельство, чтобы доказать, что Учителя были изобретением Е.П.Б. и что письма, феноменально воспроизведённые в "алтаре", были написаны Е.П.Б. и помещены туда Куломбами с её ведома. В то же самое время письма, в которых Куломбами был подделан почерк Е.П.Б., были сфабрикованы, чтобы показать, что идея Учителей была простым обманом со стороны Е.П.Б... Выдумка Куломбов была в том, что, якобы по предложению Е.П.Б., Куломб сделал скользящую панель в "алтаре" и отверстие к нему с другой стороны. И, таким образом, письма не помещались необычным способом в "алтарь" Учителями, но были написаны Е.П.Б. её собственной рукой, и помещены туда через секретный проём в её комнате.

Однако множество людей имело возможность в течение нескольких месяцев до отъезда Е.П.Б. не только осматривать "алтарь", но и также тщательно исследовать его; они знали, что не было никакой скользящей панели позади "алтаря", ни какой-либо коммуникации между местом, где он висел, и комнатой с другой стороны. Поэтому тем, кто исследовал "алтарь", было ясно, что после отъезда Е.П.Б., когда в верхней половине дома никого не было, Куломб изобрёл панели.

Такой была ситуация в Обществе, когда, по словам Учителя, ему пришлось "стоять не на жизнь, а на смерть перед судом общественного мнения — самым легкомысленно жестоким, предубеждённым и несправедливым из всех судов".

Может быть задан вопрос, если Учителя находятся в таком тесном контакте с делами в мире, как получилось, что они не смогли предвидеть это миссионерское нападение на Общество.

Они предвидели это так же, как и шок для Общества, который последовал за этим. В письме, "осаждённом" в купе движущегося пассажирского поезда, которое полковник Олькотт получил в Англии 5 апреля 1884, появилось следующее.

"Не удивляйтесь ничему, что вы можете услышать из Адьяра, и не расхолаживайтесь. Возможно — хотя мы стараемся предотвратить это в границах кармы — что вы будете иметь крупные домашние неприятности, через которые вам нужно пройти. Под своей крышей вы дали на годы приют предателю и врагу, а миссионеры более чем готовы извлечь выгоду из любого шага, к которому они могут её принудить. Постоянный заговор в ходу. Она раздражена появлением м-ра Лейна Фокса и полномочиями, которые вы дали Управляющему Совету.

Мы произвели в Адьяре несколько феноменов с тех пор, как Е.П.Б. покинула Индию, чтобы защитить Упасику от заговорщиков".⁴

Если Учителя предвидели нападение, почему они не предотвратили его? Ответ уже дан Учителем: "в границах кармы". Ошибки, сделанные даже их пользующимися наибольшим доверием агентами, должны давать свои результаты. Деликатными намёками и тонкими предупреждениями, но такой природы, чтобы не вызывать желания их агента, Учителя указывают на возможную опасность. Но если намёк не принимается, и делается техническая ошибка, то они не станут вмешиваться, чтобы предотвратить последствия.

Есть вторая причина, почему Учителя — даже когда эффект приведен в движение причиной — только наблюдают, но не вмешиваются. Это должно "отделить овец от козлищ", если использовать христианское сравнение. Учителя использовали возбуждение участников Общества, чтобы увидеть, кто поддерживает принципы, а кто — персоны.

Когда Общество подвергается нападению извне, или столкновению их личной кармы приводит к сильным разногласиям среди участников, Учителя отмечают, что те, для кого теософия — "дело Истины" — близко связана с личностью, оставляют Общество в кризисе, потому что их вера в цельность того человека поколеблена вследствие того, что кажется доказательством его подлости; но они отмечают также, что есть другие, для которых Великая Философия и особенно работа для Всемирного Братства основаны на принципах, а не на людях. Последние поддерживают Общество в любой чрезвычайной ситуации и продолжают работу, несмотря на нанесённый ущерб. Это позволяет выбрать их для более важных областей служения, тем не менее, адепты, не вмешиваясь во взаимодействие кармических сил участников, очень сожалеют об ущербе для общественного мнения и трате энергии участников на ссоры между собой.

Будущее Общества зависит от тех, кто ставит на первое место преданность теософическим идеалам и только затем лояльность людям, которых они уважают как лидеров и учителей. Но часто принципы и личности столь переплетены в уме человека, что требуется "хорошо развитая интуиция", чтобы отделить одно от другого. Это — одна из проблем, которые должен решать оккультист.

Другой фактор в этой проблеме — то, что Учителя не беспокоятся, что все в мире должны быть убеждены в их существовании. Учитель К. Х. сказал, что их работа и работа их агентов "не для тех, кто не хочет расставаться со своими предрассудками и предубеждениями ради приобретения истины, из какого бы источника она ни происходила. Мы не желаем убеждать последних, ибо ни факт, ни объяснение не могут заставить слепца видеть. Кроме того, наше существование стало бы крайне нестерпимым, если не невозможным, когда бы все люди без разбора были огульно убеждены" ("Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XXII).

...легкомысленно жестоким...

⁴ "Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XVIII (Пер. Л.Н.Орленко).

Тот, кто читал письма Учителя К. Х., и у кого есть достаточное понимание значения английских слов, отметит снова и снова замечательное знакомство Учителя с нюансами английского выражения. Никакая фраза, не столь точная и подходящая, как "легкомысленно жестокий", не могла бы описать порывы общественного гнева, которые направлены на мужчину или женщину в общественной жизни, когда чувства "общественности" раздуты до ярости воззванием к её предубеждениям. С чувством безответственности, которое характеризует дикарей, общественность пытается разорвать на части такую жертву их гнева. Но во всём этом есть легкомысленность, поскольку, когда им предлагают новую жертву или некоторое новое волнение для их эмоций, о старых жертвах и содеянном с ними разрушении забывают.

Есть выражение, что человек может "преследоваться до его смерти". Человек, подвергшийся такому преследованию, действительно, иногда выходит из строя и разрушает себя или, по крайней мере, отказывается от своей работы, неспособный "вынести" безумного преследования общественности. Но есть отважные души, которые отказываются преследоваться до их смерти. Такой была Е.П.Б... Такой же была Анни Безант. Не менее твёрдым и неуступчивым был Ч. У. Ледбитер, когда его пытались отстранить от работы для Учителя. В 1906–1907 многие так называемые "теософы" пытались изгнать его из теософического поля служения; позднее он был освистан на улицах Сиднея оборванцами, возбуждёнными для этого жёлтой прессой города, и всё же, как говорится, "глазом не моргнул", но невозмутимо продолжал свою работу без малейшего чувства негодования, как будто свистки были не более, чем мухами, которые докучают нам на этой земле и которых мы смахиваем прочь нашими руками.

...коллективную карму касты, к которой вы принадлежите.

Как можно понять из написанного выше, именно представители христианства сделали тогда попытку до основания разрушить Теософическое Общество; но эти миссионеры не относились к англиканской церкви, к которой принадлежал м-р Ледбитер. Учитель впервые показывает факт, который никто не учитывал прежде — что есть не только индивидуальная карма, но также и коллективная карма групп, таких, как каста или нация.

Хотя м-р Ледбитер не принимал участия в миссионерском заговоре разрушения Общества, а напротив, был верным его сторонником, но, так как он так же был слугой Христа, он был тоже вовлечен в карму Мадрасских христианских миссионеров.

Теперь м-р Ледбитер, как священник англиканской церкви отрицал, что уэслианцы, баптисты, конгрегационалисты и подобные "нонконформисты", которые нападали на Общество, вообще были истинными "священниками", но так как у них была "апостольская преемственность", как и у него, он, возможно, не понимал до получения письма Учителя, что у него также была своя лепта в нападении на Общество.

Вы готовы добровольно искупить их грехи?

Пока м-р Ледбитер не очистил себя в какой-то степени от "греха" своей касты, чтобы силы Учителя могли действовать через него без преграды, было мало пользы с нетерпением ждать быстрого принятия его как челы. Как он мог очистить себя? Идя в Мадрас, в самый лагерь миссионеров-заговорщиков, и показывая публично, что посвящённый в духовный сан слуга Христа был сердцем и душой с Обществом. Такое действие искупило бы грехи его коллег-христиан в той мере, насколько была затронута его доля в их карме.

"Узы благодарности"...

М-р Ледбитер упомянул в письме, посланном через "Эрнеста", что он хотел бы немедленно служить Обществу, хотя "связи благодарности" и сдерживали его от такого курса действий.

Как уже было объяснено, он был викарием в округе его дяди, преподобного У. У. Кейпса. Он был в большом долгу перед дядей, который помог ему материально и иначе войти в христианское духовенство и нашёл для него место викария после его утверждения как дьякона. Впоследствии в течение нескольких лет он и его мать жили в Брэмшоте, и естественно, были близкие отношения между Ледбитерами и домом приходского священника. Уехать в Индию отчётливо означало бы разъединение уз благодарности, которые связывали его со своим благодетелем. И м-р Ледбитер чувствовал в марте 1884, когда он написал Учителю, что он не может сделать этого.

...если этот шаг будет благовидно объяснен...

Учитель предложил "отсутствие в течение нескольких месяцев". У м-ра Ледбитера была одна очень "благовидная" причина для такого краткого посещения Индии, которую он хотел использовать. В это время в Индии жил его близкий школьный друг, к которому он питал глубокую привязанность; этот друг был капитаном парохода Индо-британской навигационной компании, курсировавшего вдоль побережья; и он постоянно, в течение нескольких лет приглашал м-ра Ледбитера посетить его.

...годы испытаний...

Слово "испытание" — что означает показать себя — использовалось в эти ранние дни в некотором смысле, несколько отличавшемся от придаваемого ему позже. Приблизительно с 1889 испытание стало означать формальную входную плату кандидата как "челы", то есть, как одного из отобранной группы Учителя. Именно в этот момент входной платой Учитель делает "живое изображение" челы, исследуемое периодически, чтобы заметить, как изменяется характер челы. Но есть предварительная стадия, во время которой кандидат находится под наблюдением, но никакая ответственность не возлагается Учителем на него, как в случае челы.

Именно эту предварительную стадию, обычно это семилетний период, Учитель имеет в виду, когда говорит, что "семь лет испытаний" можно провести "где угодно". Мы увидим позже, что м-р Ледбитер уменьшил этот период до менее чем двенадцати часов, и стал челой.

...должен жертвовать ради теософии.

Учитель сослался на факт, что прогресс на Пути оккультизма, "может быть лишь результатом личных заслуг и усилий в этом направлении". Кандидат должен "стучать" в дверь Учителя делами самопожертвования; он должен создать такое накопление хорошей кармы, которое доказало бы, что он вышел из разряда многих и предлагает присоединить его к маленькой группе тех, кто обязал себя "немного облегчить тяжелую карму мира".

Как в случае лодки, идущей вверх по течению через шлюз, если она уже внутри него, шлюз должен быть заполнен, прежде чем его ворота, приводящие к более высокому уровню воды, могут быть открыты, так же и кандидат, создав достаточную силу кармы перед "воротами", которые ведут к входу на Путь, откроет их. Жертвами различного вида, включая дискомфорт, страдание, отречение и т. д., с благородным обоснованием, идеалист увеличивает свой "запас хорошей кармы".

В эти дни идея "жертвы" в связи с присоединением к Теософическому Обществу или работой на его идеалы кажется странной. Теософические идеи сегодня настолько широко распространены и в Индии, и в англоязычных странах, например, в Великобритании и в Соединённых Штатах, что не выглядят столь возмутительными, и не слишком многим жертвует ищущий более высокой жизни, если он решает связать себя с теософами.

Но не так было в ранние дни Общества. В восьмидесятые годы прошлого столетия во многих странах (кроме Индии) человек, ставший теософом считался немного безумным, а в некоторых христианских странах, где был ещё жив фанатизм, подвергался преследованию.

Все это изменилось в Великобритании, в большинстве стран Европы и в Соединённых Штатах.

Но это не относится к Латинской Америке, то есть к двадцати республикам Южной и Центральной Америки, Мексике, Кубе, Доминиканской Республике и Пуэрто-Рико. В этих странах, где протестантское влияние в социальной или общественной жизни едва чувствуется, власть католической церкви для её сторонников — всё ещё безжалостная автократия. Я знаю из личного опыта двух продолжительных туров, что на работающих в этих странах теософов священники неизменно пытались, не только завуалировано, но иногда даже открыто, давить из-за их теософической пропаганды, особенно угрожая религиозными санкциями женщинам — членам церкви, если они посещали мои лекции.

Теософия была официально запрещена именем папы римского как страшная ересь, и каждый год один раз в месяц возносится через Деву Марию молитва богу, чтобы спасти мир от теософии.

В этих странах, чтобы открыто идентифицировать себя с теософией и Теософическим Обществом, действительно, требуется со стороны ищущего истину совершить акт жертвы.

Однако если мужчина или женщина непреклонно продемонстрируют священнику свои убеждения, то он оставит теософа как "безнадёжное дело", предупредив, тем не менее, что грешный сын или дочь церкви будут осуждены на вечную погибель. Все же, столь изошрённо влияние римско-католических священников, что многие мужчины и женщины в Латинской Америке подвергаются скрытому преследованию, которое затрагивает их материальное процветание и семейные отношения. То, что Христос сказал в Палестине относительно оппозиции, которую встретит серьёзный ищущий, всё ещё верно: "И враги человеку — домашние его" (*Мф. 10:36 — прим. пер.*).

Если серьёзный ищущий будет лоялен к приказам своего высшего "Я" и смело встретит преследование, то он докажет, как многие доказали, что выдержал враждебность общественного мнения, семьи и друзей, о чём Учитель К. Х. сказал: "Тот, кто ради достойного дела умаляет себя в своих собственных глазах, несмотря на признанный всеми ходячий кодекс чести, в один прекрасный день может узнать, что он таким образом достиг своих возвышенных желаний". "Эгоизм и недостаток самопожертвования встают величайшими препятствиями на пути адепта".

(“Письма Учителей Мудрости”, первый выпуск, письмо Х).

Какие жертвы м-р Ледбитер принёс для теософии, мы увидим позднее.

...теософии.

В просторном обучении, даваемом адептами в ранние дни Общества, есть один поразительный факт — как редко появляется слово "теософия", как обозначение учения, которое они предложили. В моих двух компиляциях “Письма Учителей Мудрости” (первый и второй выпуски) это слово появляется только четыре раза, и дважды в этом письме м-ру Ледбитеру. В объёмистой массе писем от Учителей М. и К. Х. м-ру Синнетту, собранному м-ром А. Т. Баркером в “Письма Махатм А. П. Синнетту”, слово появляется только семь раз. Слово теперь используется, конечно, всеми, включая общественность, как этикетка, чтобы описать ряд идей, связанных с телом человека, которые выражают (так думает общественность), новую веру. Но ясно, поскольку мы читаем письма адептов, что это не название, которое имеет значение, но истины и принципы, которые вечны и неизменны, независимо от того, какую этикетку вешают на них следующие друг за другом цивилизации.

Дважды в этом письме и три раза в других письмах Учитель пишет "теософия" с маленькой буквы "t". Мы должны отметить, что заглавных букв не существует ни в письме деванагари, используемом санскритом, ни в каких текстах, написанных на нём, и ни в каком народном языке Индии. Слово, конечно, — греческое, на языке, в котором нет никаких заглавных букв, или, скорее, в котором всё письмо в ранней форме текстов было заглавными буквами.

Слово сначала появляется у Прокла, учителя неоплатоников Александрии (род. в 410 н. э.), когда он говорит о "теософии чужеземных народов", описывая их верования применительно к существованию богов. (Греческие слова, используемые Проклом, даны в сноске на стр. 19–20 Т. Виттакером в его работе "Неоплатоники").

Всякий раз, когда Учителя говорят о "Теософическом Обществе", "Т. О.", "Обществе" и "Основателях" (подразумевая только Е.П.Б. и полковника Олькотта), заглавные буквы используются всегда. Очень примечательный факт — хотя Теософическое Общество было порождено Учителями и их посланником в мир, разнообразной карьерой которого они руководили, нет никакого упоминания о слове "теософия" в Конституции Общества, которое регулирует работу его составных частей, Национальных Обществ или "Секций".

Нет никакого официального определения того, что является теософией. Поэтому каждый член Общества может потребовать, согласно Конституции, разъяснения того, что является теософией, а что нет. Для работы Общества самое главное — основание Всемирного Братства, а не объявление шаблонной философии.

...делать благородные дела...

Акцент, который Учитель делает на слове "делать", подчёркивая его, является острым напоминанием, что время для того, чтобы мечтать, надеяться и планировать закончено.

В письме мисс Ф. Арундэйл он пишет, что красивые и бескорыстные мечты идут из источника более высокого, чем ум или "нижнее я".

"Хорошие решения — это умственно нарисованные картины добрых *дел*: фантазии, дневные грезы, нащёптывания *Буддхи Манасу*." ("Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XX.) Может быть, очень хорошо, что, выделяя действие, Учитель напоминает слова Карлайла "цель человека — действие, а не мысль"; для немедленного продолжения у нас есть цитата Карлайла.

Как для "истинного человека" Карлайла...

Один интересный факт Учителя К. Х. — то, что он, очевидно, широко начитан в области Западной литературы, поскольку во многих его письмах мы находим оценки или ссылки на неё. В одном письме он цитирует "Свет Азии", в другом — Теннисона, а в письме Учителя М. просит, чтобы последний указал м-ру Синнетту первый стих известного стихотворения Кристины Россетти "Ветер в дороге удлиняет все пути". Есть необычная цитата датского поэта. ("Письма Учителей Мудрости", второй выпуск, письмо 77.)

Одна ссылка, местонахождение которой затруднялись определить, оказалась формулировкой греческого философа Анаксагора; это было, наконец, проверено моим другом, профессором греческого языка.

Цитата из Карлайла следующая: "...Не соблазняется легкостью — но действительными *приманками* — трудностями, отречением, мученичеством, смертью".

Очевидно, Учитель прочитал "Героев" и "Кульг героя" Карлайла, поскольку в лекции Карлайла "Герой как пророк" есть следующие предложения. "Это — клевета на людей сказать, что они побуждены к героическому действию лёгкостью, надеждой на удовольствие как компенсацией, леденцами любого вида в этом мире или в следующем! В самом жалком смертном находится нечто более благородное. У бедного, всё проклинающего солдата, нанятого, чтобы быть застреленным, есть своя "честь солдата", отличающаяся от строевых уставов и ежедневного шиллинга. Это не для того, чтобы испытать приятные вещи, но чтобы сделать благородные и истинные вещи, и оправдать себя под божьими небесами как сотворённый богом человек, к чему неосознанно стремится самый бедный сын Адама. Покажите ему способ сделать это, и самый тупой подёнщик превратится в героя. Только очень извращённые люди говорят, что их можно соблазнить лёгкостью. Трудности, отречение, мученичество, смерть — приманки, которые действуют на сердце человека.

Разожгите внутреннюю добрую жизнь его, и вы получите пламя, которое сожжёт низкие мысли".

Особенно примечательно — подчёркивание Учителем слова *приманки*. Можно легко предположить, что он подчеркнул слово, чтобы привлечь внимание м-ра Ледбитера к тем жертвам, которые обычный человек будет считать горем, но которые "истинный человек" будет всегда рассматривать как привилегии. Но для выделения слова есть более интересная причина, чем эта, потому что сам Карлайл выделяет это слово. Это весьма обычно для студента и автора, когда они обнаруживают замечательную фразу, чтобы запомнить свои слова; но вряд ли они будут помнить, какие слова в выражении подчёркнуты, то есть выделены курсивом. Поэтому разумно предположить, что, поскольку Учитель цитировал Карлайла, он имел как "Героев", так и "Культ героя" перед собой, и цитировал не по памяти, но прямо из книги непосредственно.

... "истинного человека" ...

Когда Учитель цитирует Карлайла, он делает очень существенное изменение. Карлайл пишет "сотворённый богом человек"; Учитель пишет "истинный человек". Изменение не случайное, но с умыслом.

Во всех сообщениях от Учителей в период 1880–1888 они возражают против использования слова "Бог", как обозначения, описывающего Окончательную Реальность, Главную Причину, Субстрат, который является основанием Вселенной и Первопричиной всего. Поскольку, как всюду можно заметить, слово "Бог" сразу означает личного бога, то есть Создателя, Манипулятора Вселенной, представленного в человеческой форме (хотя у него может быть много голов и рук, как в индусских изображениях). Как только Окончательная Реальность персонифицируется, следующий неизменный результат состоит в том, чтобы возносить молитвы к Нему, испрашивая у Него льгот или освобождения от действия Его же собственных законов.

Очевидно, ум человека, бесконечно малый по сравнению с необъятностью вселенной, ничего не может сделать кроме искажённого образа персонифицированного бога.

Один неприятный результат — не обязательно неизбежный, но, конечно, очень обычный — состоит в том, что человек теряет из виду факт, который очень существенен для него, — знание того, что он живёт во вселенной неизменных и весьма надёжных законов.

Когда этот высший факт существует на заднем плане сознания человека, а не на его переднем плане, он, естественно, всегда пытается "обойти" Карму, закон причин и последствий, призывая помощь капризного агента, который находится вне того закона.

Именно эта персонифицированная концепция Окончательной Реальности стремительно приносит с собой такое зло, как конкуренция религий, которые представляют эту Реальность под различными именами, объявляют исключительное спасение тем, кто поклоняется ей только под одним особенным её названием, и отчаянно воюют за одного и только одного истинного бога.

Если Бог столь конкретизируется и персонифицируется, то естественный порыв в человеческом сердце — поклоняться Ему. Но с культом приходит духовенство и церемонии, которые могут помочь душе в вероисповедании, или наоборот, могут стеснить и ограничить ту душу в её вероисповедании — так часто случается, когда священники начинают командовать человеческим сердцем. По этому вопросу Великий Адепт, известный как Махачохан, однажды заявил:

"Однажды освобождённые от оков и избавленные от мёртвого груза догматических толкований, личных имён, антропоморфических концепций и платных священников, фундаментальные доктрины всех религий в их эзотерическом значении окажутся тождественными. Тогда обнаружится, что Осирис, Кришна, Будда, Христос — это различные наименования одного и того же царского пути к конечному блаженству — нирване.

Мистическое христианство, то есть, так сказать, христианство, которое учит самоспасению через наш собственный седьмой принцип, освобожденный парам-атман (аутоэйдос) называемый одними Христом, а другими — Буддой и эквивалентом воскресения и нового рождения в духе, — будет признано той же истиной, что и нирвана буддизма". Великий Адепт сказал также:

"Мир вообще и особенно христианский, пребывающий в течение 2000 лет под властью личностного бога, а также своих политических и социальных систем, основанных на этой идее, ныне доказал свою неудачу" ("Письма Учителей Мудрости", 1-ый выпуск, письмо I).

Не менее поразительно утверждение Адепта, что увеличивающаяся борьба за существование — так он написал в 1881, а теперь мы все знаем, как это увеличилось — происходит из-за напряжения, которое создали религии, провозгласившие личного бога и внушающие благоговейный страх смерти. "Мы считаем, что сейчас в мире, будь то христианском, мусульманском или языческом, справедливость игнорируется, а честь и милосердие брошены на ветер. Одним словом, видя то, что главные цели Т. О. неверно истолковываются теми, кто наиболее охотно хочет служить нам лично, — как мы можем иметь дело с остальным человечеством и с бичом, известным как "борьба за жизнь", который является реальным и наиболее плодотворным источником большинства несчастий, страданий и всех преступлений? Почему эта борьба стала в мире почти всеобщим образом действия? Мы отвечаем — потому что ни одна религия, за исключением буддизма, до сих пор не научила практическому презрению к земной жизни, тогда как все из них, всегда с тем же единичным исключением, своими адами и проклятиями насаждали величайший страх смерти. Поэтому мы обнаруживаем, что борьба за жизнь наиболее яростно свирепствует в христианских странах, более всего преобладая в Европе и Америке. Она слабее в языческих странах и почти неведома среди буддистов.... Лишь научите людей понимать, что жизнь на этой земле, даже самая счастливая, есть лишь бремя и иллюзия, что это наша собственная карма, причина, производящая следствия, — наш собственный судья и наш спаситель в будущих жизнях, и великая борьба за существование вскоре потеряет свою напряжённость" ("Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо I).

Нельзя предполагать, что адепты объявляют, что нет никакого "бога"; такая декларация привела бы к вопиющему материализму, который является явным отрицанием их философии. Один адепт, Учитель "Серапис", в его посланиях полковнику Олькотту в 1875 четыре раза призывает "благословение Бога" на него в конце его писем.

Два самых великих философа индуизма Шанкарачарья и Рамануджачарья, главы двух различных философских школ, разъясняющих одно и то же учение веданты, разошлись в этом месте. Должна ли Окончательная Реальность представляться только как Абсолютный Безличный Принцип, или способной в то же самое время к раскрытию как личный бог, не теряя свои признаки Абсолюта? "Недвойственная", "чистая" веданта, представленная Шанкарачарьей, утверждает неограниченную, не могущую быть превзойдённой божественность этого Принципа, подлинную сущность Бытия, Блаженства и Разума;

ТО не отличается по природе от человеческой души, или, говоря более точно, душа и ТО всегда едины и неотделимы, тем не менее, отдельная душа появляется, когда она функционирует как воплощённое существо. Но философия Рамануджачарьи утверждает, что, в то время как душа и ТО всегда едины, все же есть аспект Абсолюта, который является личным богом, которому душа может поклоняться всегда и даже после Освобождения, когда уже объединена с ТЕМ. Эта философия утверждает полную идентичность души и Бога, тем не менее "с различием".

Решение, которое дает буддизм для этой сложной и возвышенной проблемы, точно изложено Эдвином Арнольдом в его "Свете Азии", во вступительном стихе, в котором он приступает к изложению Первой проповеди, прочитанной Буддой после Просветления.

(В переводе А.Анненской).

ОМ, АМИТАЙЯ!⁵ Не измеряй словами неизмеримого,
Не опускай нити мысли в бездонное!
Кто спрашивает, тот ошибается;
Кто отвечает, тот ошибается! Безмолвствуй!

Все-таки недоверие адептов к использованию слова “бог” — как оно теперь используется в обычной речи — не должно рассматриваться как отрицание существования БОГОВ,

Существ, столь высших в их славе, могуществе и любви, которые могут служить "для нас и для нашего спасения" вместо бога, кому мы можем поклоняться с предельной преданностью, и можем быть продвинутыми ближе к нашему Освобождению этим поклонением. Но они — Дхиан-Чоханы, Планетарные Логосы, Солнечные Логосы — все еще в пределах Закона Окончательной Реальности. Есть Великое Существо, которое является Главной движущей силой и Оплотом всех в пределах Солнечной Системы, кого мы называем Солнечным Логосом; в Нём мы "живём и движемся, и существуем".

Однако выше Его есть больший Логос. Относительно природы Окончательной Реальности, в которой Логосы непосредственно "живут и движутся, и существуют", кто имеет право объявить, что ТОГО нет?

Если бы я потребовал...

Эти слова Учителя имеют очень большое значение. Так как мы — новички, мы хотим постоянно быть руководимыми теми, кого мы расцениваем как "старших"; наша преданность им является большой, и поэтому мы полностью готовы выполнять их приказы. В оккультизме, однако, проблема не в том, чтобы слепо повиноваться правилам другого, но в "управлении собственной судьбой", как говорит Учитель в конце этого письма.

Верно, что наше желание — никогда не допускать ошибок на Пути, и особенно не сделать осложнений для работы Учителя, поэтому мы чувствуем потребность в совете старшего; но это — факт, что мы должны самостоятельно найти истинную дорогу своим собственным распознаванием и интуицией. Мы можем часто допускать ошибки; однако, если наше сердце чисто, и нашим поводом было бескорыстное служение, любая ошибка, которую мы сделаем, создаст сравнительно небольшую карму беспорядка и вреда. Это мы можем компенсировать делами предупредительности. Между тем, даже если мы несколько просчитались, мы будем расти силой решимости и распознавания, полагаясь на себя.

М-р Ледбитер спрашивает, что он должен сделать, чтобы быть принятым как чела.

Учитель не направляет его, поскольку м-р Ледбитер должен воздействовать по своей собственной инициативе на процессы Кармы, чтобы быть точным и чистым. Мы увидим во втором письме Учителя, когда м-р Ледбитер выбрал свой курс действий, и Учитель принял его как челу, то, что Учитель, действительно, тогда определил действия, которые он ожидал от своего нового чела. Но на ранней стадии получения первого письма, когда Учитель схематично объясняет проблемы испытания и потребности помощи для спасения Общества, м-р Ледбитер сам должен был "поручить свою судьбу Справедливости, никогда не опасаясь, ибо её ответ будет абсолютно истинным".

...закончится ли оно адептством или провалом.

Учитель заявил в конце 1882, что половина будущих чел, взятых на испытание и проверенных в том году, потерпела неудачу. В письме полковнику Олькотту Учитель пишет:

⁵ Санскритское слово Amitaya означает: "то, что не может быть измерено".

"Почему я должен даже теперь (чтобы направить ваши мысли по правильному каналу) напоминать вам о трёх случаях душевного заболевания в течение семи месяцев среди "мирских учеников", не говоря уже о том, что один стал вором?"⁶

Что касается одного из них, пожелавшего быть принятым, как чела, Учителем М., Учитель К.Х. пишет:

"Решение о принятии или непринятии его в качестве ученика зависит от чохана. М. должен просто испытывать, соблазнять и исследовать его всевозможными способами, чтобы выявить его истинную сущность. Это правило у нас настолько же неумолимо, насколько оно отвратительно на ваш западный взгляд, и я не мог бы помешать этому, даже если бы захотел. Недостаточно знать в совершенстве, что ученик способен сделать и чего не способен при данных обстоятельствах в течение испытаний, мы должны знать, на что он может стать способным при различных ситуациях".⁷

Объясняя, что процесс тестирования применяется ко всем, и, обращаясь ещё к одной неудаче — англичанину, который был обращен в ислам, Мураду Али Беку, Учитель пишет в другом письме:

"Случившееся с Ферном происходило с каждым, ему предшествующим, и будет происходить с различными результатами с каждым, кто последует за ним. Нас всех так проверяли, и тогда как некто Мурад Али провалился, я выдержал".⁸

Тогда немного удивляет, что Учитель написал:

"Не вздыхайте по ученичеству, не гонитесь за тем, опасности и лишения чего неизвестны вам. Поистине, много есть чел, предлагающих нам себя; и столько же провалившихся в этом году, сколько было принято на испытание. Ученичество снимает покрывало, обнажая внутреннего человека, и извлекает наружу как дремлющие добродетели, так и дремлющие, скрытые пороки. Скрытые пороки порождают активные грехи, и часто за ними следует умопомешательство. Осмотритесь вокруг, наведите справки в Барейли и Канпуре и сделайте вывод для себя. Будьте целомудренным, добродетельным, ведите святую жизнь — и вы будете под защитой. Но помните, что тому, кто не будет так же чист, как маленький ребенок, лучше оставить ученичество в покое".⁹

В период, когда я был тесно связан с работой Учителей, среди учеников случилось три самоубийства и одна попытка самоубийства. Относительно тех, отказы которых приняли другие формы, можно сказать, что "число их — легион". Всё ещё верно, как в старину: "Много званых, а мало избранных" (*Мф.20:16 — прим. пер.*)

Из-за ошибочного представления о нашей системе челы...

Идея, распространённая в Индии по поводу отношений между гуру (учителем) и его шишью (учеником), подразумевает, что ученик обслуживает учителя, готов служить ему любым способом. Из этой концепции следует заключение, что ученик ничего не должен делать без инструкций учителя. Все это разумно, если вы начинаете с определения, что задача ученика состоит в том, чтобы быть покорным слугой Учителя.

Но в оккультизме идея несколько отлична. Учитель Мудрости не требует ни того, чтобы ученики вокруг него обслуживали его личные нужды, ни того, чтобы они были просто учениками, которым он будет преподавать религию и философию.

⁶ "Письма Махатм А. П. Синнетту", письмо LXVII.

⁷ "Письма Махатм А. П. Синнетту", письмо XXX.

⁸ "Письма Махатм А. П. Синнетту", письмо LIV.

⁹ "Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо IX (Перевод Л.Н.Орленко).

Адепт существенно, по своему статусу — агент Плана Логоса; для него является фактом, что "Я и мой Отец — одно". Поэтому он — организатор божественных энергий, распределительная станция сил, которые по Плану Логоса предназначены для человечества.

Поэтому Учитель ищет не простых учеников, но, скорее, учеников, которые могут стремительно обучиться, чтобы быть эффективными и надёжными помощниками.

Они должны обязательно стать настроенными в духе каждой мысли и дела их "шефа".

Поэтому они должны подвергнуться определённому обучению и соблюдать строгую дисциплину. Но так же, как сам Учитель — агент божественного Плана, так и каждый его ученик должен быстро стать агентом планов Учителя в том отделе Великой Работы, который поручен заботе Учителя.

Ученик должен, с одной стороны, быть послушным, то есть, проявлять то, что латинский мир описывает как прилежание; но, с другой стороны, он должен также проявлять инициативу. Поскольку сам ученик однажды станет Учителем, он должен обладать способностями управления и командования. Конечно, Учитель даёт указания ученику, а иногда, как мы увидим во втором письме, полученном м-ром Ледбитером, очень точные указания. Однако, в основном, Учитель обрисовывает в общих чертах работу, которая будет выполняться учеником, и то, что является конечным результатом, который он ожидает от той работы. Но он оставляет ученика в покое, чтобы проводить свои собственные эксперименты для достижения цели, поставленной перед ним.

Это возлагает на ученика ответственность, которую, как тот думает, он не сможет перенести; он хотел бы, чтобы Учитель давал указания, затрагивающие всё, что он, ученик, должен сделать. Это, конечно, сделало бы из ученика простой механический инструмент Учителя, что является последней вещью, которую желал бы иметь любой Учитель. Сегодня в Индии потенциальные работники Теософического Общества постоянно приходят к некоторым из нас и говорят: "Я пришёл, чтобы служить, вы скажите мне, что делать". Когда в ответ мы задаем им вопрос, что они могут делать, мы, обычно, получаем не удовлетворяющий нас ответ: "Что-нибудь". Для опытного работодателя это явный признак, что претендент на работу неэффективен для большинства дел, хотя полон готовности служить.

Ученик оккультизма в то время, как всегда "послушен" — то есть, прилежен и жаждет повиноваться каждой команде его Учителя — он также в состоянии готовности, чтобы каждое предложение, сделанное ему, разработать и осуществить по его собственному плану, поскольку он пытается служить Учителю. Отсюда слова Учителя К. Х.: "Из-за ошибочного представления о нашей системе челы слишком часто выжидают и ждут приказов, тратя ценное время, которое можно было бы заполнить личными усилиями".

...память нашего Господа Татхагаты...

Эта фраза долго озадачивала меня, и я не знал, что у меня всё же есть правильная интерпретация мысли Учителя. Если бы было призвано благословение Татхагаты — буддийский титул для Господа Гаутамы Будды — объяснение было бы простым, хотя могло бы показаться странным — призывать это специфическое благословение на христианского священнослужителя. Но какова "память" Господа, которая призывается?

Фраза предполагает, что когда-то в прошлом м-р Ледбитер встретил Господа Будду.

В этой жизни он прочитал "Свет Азии", и знал термин "Татхагата", как и жизнь Господа, рассказанную в поэме. Но это не могло быть памятью о персонаже поэмы, к которой бы Учитель обратился.

Без сомнения, он, как и тысячи из нас, встретил Господа в одном из многих предыдущих Его воплощений как Бодхисаттвы. Где-нибудь в природе нашего эго такое прекрасное воспоминание хранится без действия, но может быть пробуждено.

Если бы это имело место, то решение, принятое м-ром Ледбитером, стало бы влиять на него во многих жизнях, и та память, если её пробудить, могла бы стать великим источником вдохновения для эго.

До 1909 года м-р Ледбитер знал детали своего воплощения, как грека в Афинах; но он не был воплощён в Индии в то время, когда Господь Будда давал Его великое учение, хотя некоторые из коллег м-ра Ледбитера, например, д-р Анни Безант, и были там непосредственно. Но в исследованиях прошлых жизней Алкиона был найден очень существенный случай, когда м-р Ледбитер, действительно, встречал Господа. Полное описание этого инцидента дано в "Жизнях Алкиона", в главе "Жизнь V", стр. 64–66.

Татхагата в воплощении, в котором Он был приблизительно в 40 000 до н. э., поехал из города Белого Острова в Центральной Азии в Египет. В Египте Он открыл духовенству атлантов обучающие Мистерии Скрытого Света и Скрытой Работы. Египетские легенды позже говорили о Нём как о Тоте, или Тхоти; хути, в греческой традиции Он известен как Гермес Трисмегист — Гермес Трижды Величайший.

По пути Его возвращения из Египта домой, в Центральную Азию, Он оставался некоторое время в Аравии, куда Его Брат, Ману пятой коренной расы, пришёл с поселенцами и организовал колонии Его второй, или арабской, подрасы. Там родились¹⁰ в это время в одной и той же семье пять эго, судьба которых — стать великими учителями в будущем, последователями "Сияния Будд". После периода, во время которого Господь дал Его обучение отобранным потомкам Ману, Он назвал перед Ним на прощальной встрече эти пять эго (одним из которых было эго по имени Ч. У. Ледбитер в этом воплощении эго), и дал им следующее "напутствие" относительно их будущей работы.

"Приветствую тебя, мой Брат на все времена! Приветствую всех моих братьев здесь; вы должны теперь нести в мир от моря до моря Любовь Бога и Мудрость Его. Много будет у вас больших трудностей и испытаний, но тем больше будет награда ваша; в течение многих тысячелетий вы должны будете трудиться в исполнении дела, которое немногие смогут предпринять, но когда оно будет завершено, вы будете блистать, как звёзды на небесах, для вас благословение Того, Кто многих обращает к справедливости. Есть духовная династия, трон которой никогда не пустует, чей блеск никогда не терпит неудачу; её участники составляют золотую цепь, звенья которой никогда не разорвутся, поскольку они двигают мир к Богу, из которого он появился. Вы среди этих людей, моих Братьев Совершенной Тайны, поскольку через вас должен сиять Свет. Всё больше и больше будет проявляться Скрытый Свет; всё больше и больше будет видна Скрытая Работа, которую поймут люди; и ваши руки поднимут завесу, и ваши голоса объявят радостную весть миру. Носителями свободы, света и радости будете вы, и ваши имена будут святыми в сердцах будущих поколений. Прощайте; в этом теле вы не увидите меня больше, но не забывайте, что в духе мы всегда вместе".

Этот призыв — к Самому Высокому в Ч. У. Ледбитере, чтобы помнил и руководствовался этой памятью, чтобы мог "принять лучшее решение". Письмо заканчивается инициалами "К. Х." из имени Кут Хуми, которое не является личным именем Учителя, но названием его ведомства, в котором он — высокий сановник секты тибетского буддизма "Кутхумпа".¹¹

¹⁰ Точнее сказать — собралось, т. к. пятым был отец (прим. пер.).

¹¹ Учитель сообщил Мохини Чаттерджи: "...Но произносится Кетхумба" ("Письма Учителей Мудрости", второй выпуск, письмо 59).

[ТАКОВ КОММЕНТАРИЙ К ПЕРВОМУ ПИСЬМУ]

Как уже было упомянуто, вечером 30-го октября Учитель Д. К. сообщил м-ру Ледбитеру через Е.П.Б., что Учитель К. Х. послал ответ на его (м-ра Ледбитера) письмо от 3-го марта.

Ничего не было сказано относительно содержания ответа. Выехав из Лондона утром 31-го октября, м-р Ледбитер добрался до своего дома в Брэмшоте примерно за час. Там его ждало письмо с адресом, написанным чернилами в обычной форме "Преподобному Ч. У. Ледбитеру, Липхук, Гэмпшир" (репродукция конверта дана ниже.) Письмо внутри было написано в стиле редакторской правки, и мы видели, что это выражало.

М-р Ледбитер принял решение быстро. Но Е.П.Б. уезжала из Лондона в Индию следующим утром, и нужно было уладить множество дел. Он был менеджером местной церковно-приходской школы, где один из его молодых друзей, Фрэнк У. Мэтли, был учителем. Его младший брат Джеймс У. Мэтли учился там же. М-р Ледбитер пошёл в школу, чтобы дать различные инструкции, поскольку он решил возвратиться в Лондон в тот же день поездом в 3.56. По возвращении домой он написал своё второе письмо Учителю К. Х. в ответ на его сообщение и взял его с собой в Лондон. Здесь у нас есть история следующих событий в этой поразительной драме от самого м-ра Ледбитера.

"Я пожелал ответить на это, что мои обстоятельства таковы, что для меня невозможно приехать в Адьяр на три месяца, а затем вернуться к той работе, которой я был занят, но я совершенно готов бросить её совсем и полностью посвятить жизнь тому, чтобы быть у него на службе. Эрнест так явно подвёл меня, и я не знал иного способа передать Учителю ответ, кроме как вручить его Блаватской, а поскольку она на следующий день собиралась покинуть Англию, чтобы отправиться в Индию, я поспешил в Лондон, чтобы увидеться с ней.

С трудом заставил я её прочитать письмо (первое письмо от Учителя К. Х., полученное в тот день), поскольку она очень решительно сказала, что подобные сообщения предназначаются лишь для адресата. Однако я был вынужден настаивать, и наконец она его прочла и спросила, что бы я хотел ответить. Я ответил, как было указано выше, и просил передать эту информацию Учителю. Она ответила, что он её уже знает, имея в виду, конечно же, близкую связь, в которой она с ним состояла, так что всё, что было в её сознании, оказывалось и в его сознании, когда он того желал.

Затем она попросила меня подождать около неё и не отлучаться от неё ни под каким предлогом. Она придерживалась этого условия абсолютно, даже заставив меня проследовать за ней в её спальню, куда она зашла, чтобы надеть шляпу, а когда понадобился кэб, она не позволила мне выйти из комнаты и свистнуть его. Я совершенно не мог тогда понять цель всего этого, но потом осознал, что она хотела, чтобы я мог сказать, что ни разу не упускал её из виду с того момента, как она прочитала письмо от Учителя, и до получения мною ответа на него. Я помню так живо, будто это было только вчера, как я ехал с ней в этой самой двуколке, и какое чувствовал смущение, вызванное отчасти тем, что ехал с ней, а отчасти тем, что причинял ей ужасное неудобство, так как я забился в уголок сиденья, тогда как её огромная масса перевешивала и наклоняла экипаж в её сторону, так что рессоры всю дорогу скрипели. В путешествии в Индию её должны были сопровождать мистер и миссис Купер Оукли, и именно в их дом приехали мы с ней уже поздно ночью — фактически, думаю, что это было уже после полуночи.

Мой первый феномен

Даже в такой поздний час в гостиной миссис Оукли собрались несколько преданных друзей, чтобы попрощаться с мадам Блаватской, которая уселась в кресло возле огня. Она блестяще говорила с присутствующими и сворачивала одну из своих вечных сигарет, когда внезапно её правая рука резко простерлась к огню весьма характерным образом, ладонью вверх.

Она посмотрела на неё с удивлением, как и я сам, ведь я стоял рядом с ней, облокотившись на камин, и некоторые из нас отчётливо видели, как у неё в ладони образовалось нечто вроде беловатого тумана, а затем сгустилось в сложенный листочек бумаги, который она тут же вручила мне, сказав: "Вот ваш ответ". Все в комнате столпились вокруг, но она отослала меня прочь читать его, сказав, что я не должен давать никому видеть его содержание. Это была очень короткая записка, и гласила она следующее".

Второе письмо от учителя К. Х

Поскольку ваша интуиция повела вас в верном направлении и заставила понять, что *моим желанием* было, чтобы вы отправились в Адьяр *немедленно*, я могу сказать вам больше. Чем скорее вы поедете в Адьяр, тем лучше. Не теряйте ни одного дня, насколько это в ваших силах. Отплывайте 5-го, если возможно. Присоединяйтесь к Упасике в Александрии. Не давайте никому знать, что вы едете, и пусть благословения нашего Господа и мои скромные благословения защищают вас от всякого зла в вашей новой жизни. Приветствую вас, *мой новый чела*.

К. Х.

Никому не показывайте мои записки.

КОММЕНТАРИЙ

Прежде, чем я прокомментирую второе письмо, позвольте мне сначала рассказать о жертвах, которые пришлось принести м-ру Ледбитеру, когда он решил следовать за его Учителем; поскольку знание об этих жертвах может прояснить видение тех, от кого подобное потребуется, когда настанет их время, чтобы следовать за их Учителем.

Первая жертва была полным разрывом с его семьей. Внезапно оставить все близкие отношения — особенно с теми, кто помог ему в его карьере, — без объяснения причины означало, конечно, никогда не надеяться вернуться назад снова в их круг. Мы можем вообразить чрезвычайное удивление дяди, достойного священнослужителя, после декларации племянника, что через три дня он разрывает свою связь с округом, если учесть, что этот отъезд серьезно препятствовал уже налаженной жизни. И это не по какой-либо более веской причине, чем та, какая появляется у человека, ум которого стал расстроенным от спиритизма, теософии и подобных безобразных соблазнов.

Племянник и его дядя и тётя никогда не встречались снова, даже после того, как м-р Ледбитер пять лет спустя возвратился в Англию. Он лишь однажды встретил другую тетю, которая очень любила его; и один или два раза — кузена. Но во всех практических делах, хотя он был из старинного рода¹² и в "графском перечне", он был уже вне их круга, как отступник и бездельник, который пренебрёг своими возможностями.

Вторая жертва была отказом от всех его мирских перспектив. Верно, что он был только викарием, но у него были определенные неординарные способности "собирать людей", как объединённую группу, и направить их работу для благородного дела.

¹² Семья Ледбитеров была по происхождению из нормандских французов, первоначальное "Le Bâ tre" (строитель) позже англизировалось в "Ледбитер". Старшая ветвь семьи обосновалась в Нортамберленде, откуда младшая ветвь утвердилась в Ирландии.

Некоторые факты об этой младшей ветви даны в двух томах родословной Ледбитеров.

Старшая ветвь следовала за удачами "Принца Чарли" династии Стюартов и стала якобитами; с того дня — хотя позднее они стали верноподданными английской короны — это был обычай семьи, чтобы крестить самого старшего сына Чарльзом.

Его организаторские способности — как хормейстера, директора воскресной школы и создателя клубов мальчиков и девочек; его любовь к лёгкой атлетике — он был способным в теннисе, прекрасным пловцом, и мог кое-что сделать в крикете; а самое главное, это способность вдохновлять мальчиков и девочек "жить чисто, говорить истинно, исправлять несправедливость, быть патриотичными" — это всё, что требовалось, чтобы сделать его не просто священником, но священником того типа, которого хотела англиканская церковь. Я даю как приложение в пользу этого аспекта м-ра Ледбитера сообщение покойного Джеймса У. Мэтли, который был учеником в его школе, а позднее и до самой смерти преданным другом и поклонником своего "старшего брата".

Кроме того, у м-ра Ледбитера была глубокая преданность англиканской церкви. Он был энтузиастом красоты и истории её соборов, её музыки и гимнов (кстати, он знал много гимнов и мелодий наизусть). Как "высокие тори церкви", англиканская церковь была для него самым корнем всего, что было главным в английском культурном наследии, и для него в величии церкви была основа величия Англии, хотя у него была очень небольшая склонность к теологии. Именно для такого типа молодого священника англиканской церкви его путь проходит, начинаясь от дома приходского священника и так до епархии.

Это была та же самая способность собрать вокруг себя группу молодых и старых, чтобы работать преданно для дела, которое он нёс в своих действиях как теософ, — на острове Цейлон как организатор буддийского лексикона и английских школ, воскресных школ и праздничного песнопения в Весак; в Англии и Соединённых Штатах в кружках Лотоса и круглых столах; в Адьяре собирающий вокруг себя группу секретарей, авторов писем и статей и подающих надежды теософических лекторов и писателей, учитывающий, что каждого нужно провести, находя для него нишу в общем здании работы; в Австралии, сплавления молодых и старых в одну прочную фалангу, чтобы сотрудничать бескорыстно и основательно в различных делах, необходимых для Учителей.

Наконец, была одна жертва, которую приносил м-р Ледбитер, но на которую он редко ссылался. Однажды, говоря со мной о его отъезде в Индию, он упомянул один инцидент, но весьма небрежно, как будто это было частью "ежедневной работы". Это была жертва всех планов молодого человека, на счастье, в браке с девушкой его мечты, поскольку он очень любил девушку, которую он знал много лет, сестру его школьного друга. Он так никогда и не позволил ей узнать, что он любит её, сначала потому, что он был весьма застенчив, и думал о себе, как о весьма недостойном её. И, во-вторых, он не желал стоять на её пути в предпочтении кого-то ещё ему, поскольку он сказал мне: "Человек не может просить, чтобы девушка вышла за него замуж с его 120-ю фунтами в год" — которые были его зарплатой викария. Но у него были большие надежды на продвижение по службе, и он с нетерпением ждал момента, когда мог бы предложить ей брак с ним.

Как уже было упомянуто, его дядя был влиятельным лицом. У колледжа преподобного м-ра Кейпса, королевского, было несколько "приходов", дарованных ему; округ Брэмшот непосредственно был таким "приходом". Период службы м-ра Ледбитера викарием со способностями, которые он показал в управлении округом, и со своей, довольно симпатичной внешностью был первым шагом к достаточно верной карьере. Однако, когда м-р Ледбитер прочитал письмо Учителя, всё личное было немедленно отвергнуто вместе со всеми другими вещами для того, чтобы следовать за ним. Годы спустя, он имел обыкновение замечать, немножко гордясь, что он был верен девизу его семейного герба, "Toujours prêt" — "Всегда готов".

Возможно, это был урок, который он выучил из этой жертвы и который заставил его часто повторять, особенно, в разговорах с молодыми людьми, "Для молодого человека это типичный случай: или оккультизм — или брак". У него не было ни малейшего отвращения к браку как священному и благородному учреждению. Есть челы Учителей, которые не являются холостяками, но — женатыми мужчинами и замужними женщинами.

Но иногда случается с молодыми мужчинами и женщинами, которые уже "на пороге" челства, или даже в более поздней стадии, что его или её личность не знает, как играть правильно двойную роль: и как служителя Учителей, и как мужа или жены, и как отца или матери. Заботы и обязательства супружеской жизни становятся иногда слишком абсорбирующими, и яркие надежды на радость в жертве Делу Человечества уходят прочь, и кандидат становится "только женатым" мужчиной или "только замужней" женщиной.

Как только мы принесли свою жертву и оглянулись назад на нашу боль, это сводит почти на нет всю радость новой жизни и света, найденных таким образом. Но до этого и в момент жертвы происходит то, о чём говорится в "Свете на Пути": "Прежде чем душа может предстать пред Учителем, стопы её должны быть омыты кровью сердца".

Был и для меня определённый день в ноябре 1889, когда мне было тринадцать, и когда мои стопы были "омыты кровью сердца". В тот день Учитель принял меня, как своего челу. Я описал это в главе "Учитель" в моей маленькой книжке "Христос и Будда".

Поскольку ваша интуиция повела вас...

Эти вводные слова второго письма показывают нам, насколько труден путь к Учителю.

Если бы м-р Ледбитер тщательно взвесил ситуацию "за" и "против" просто своим умом, его решение было бы отсрочено. Несомненно, он рано или поздно стал бы челой; но он потерял бы уникальную возможность, предоставленную ему кризисом в Теософическом Обществе. Е.П.Б. уезжала следующим утром; он сказал ей "до свидания", и было маловероятно, что он встретит её снова раньше, чем через несколько лет. Но он действовал в свете той таинственной способности, бездействующей у всех нас, названной "интуицией". Определение, используемое для описания этого в теософических исследованиях, — "Буддхи", но его значение отличается от определения, дающегося обычно на санскрите.

Особенность интуиции в том, что она действует из будущего, а не из прошлого или настоящего; что превосходно описано фразой, использованной для этого Лоренсом Аравийским: "неосознанное предвидение". Для Учителя не было возможным настаивать, что присутствие м-ра Ледбитера было безотлагательной необходимостью в Адьяре.

М-р Ледбитер, возможно, решил бы поехать в Адьяр через месяц или через два, или три месяца после того, как все его дела были бы должным образом приведены в порядок.

Но его интуиция ухватила мысль Учителя, и он решил бросить всё и поехать сразу.

Примечателен акцент, которым Учитель К. Х. выделяет интуицию, как очень необходимое свойство в характере, если нужно распутать тайны Пути Оккультизма. В письме мисс Арундэйл, написанном в 1884, есть такие фразы: "...Постоянное исполнение долга под руководством хорошо развитой интуиции. ...Из глубины своей невежественной и злорадной нетерпимости вы вызываете к нам, потому что ваша интуиция подсказывает вам, что их правила не согласуются с вашей справедливостью". ("Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XX).

Два года спустя Учитель писал м-ру Ледбитеру: "Верьте в ваши лучшие интуиции".

(См. ниже третье сообщение, полученное от Учителя К. Х. Ч. У. Ледбитером).

Несколько ранее, в письме полковнику Олькотту Учитель сказал: "Хотя вы по природе интуитивны, ученичество все же является для вас полной загадкой" ("Письма Махатм А. П. Синнетту", письмо LXVII).

И целая проблема была заявлена ранее Учителем в следующем: "...У оккультистов никогда не было намерения действительно что-то скрыть из того, что они писали для серьёзных решительных исследователей. Но, скорее, у них было намерение запретить свои сведения ради сохранности в безопасный ящик, ключом к которому является интуиция". ("Письма Махатм А. П. Синнетту", письмо XLVIII).

И последнее в этом сюжете об интуиции — действие Учителя по проверке интуиции желающего-быть-челой. В 1883 Учитель был в Индии и дважды посетил полковника Олькотта в Лахоре, не в астральной форме, а в своём физическом теле.

В первом случае полковник Олькотт спал в палатке; она была разделена занавесом, и, с другой стороны, был некий У. Т. Браун из Глазго, прибывший в Индию в том году. После пробуждения полковника Олькотта Учитель оставил ему письмо, в котором эти слова: "Я иду теперь к молодому м-ру Брауну, чтобы проверить его интуицию".

Стоя рядом с м-ром Брауном, Учитель поместил письмо в его руку; касание Учителя разбудило м-ра Брауна, но столь велика была его нервозность, что это парализовало его, и он не смог повернуть своё лицо к Учителю. Позже м-р Браун получил длинное письмо от Учителя с доброжелательным советом и поддержкой, но искренне сообщающее ему, что он был не готов. "*Вы не готовы* — только и всего. Если вы серьёзно и искренне убеждены в своих стремлениях, если вы имеете хоть малейшую искру интуиции, если ваше образование адвоката позволяет вам расположить события в надлежащей последовательности и преподнести ваш случай настолько глубоко прочувствованным, насколько вы в глубине души его себе представляете, тогда у вас будет достаточно материала, дабы воззвать к любому уму, способному постичь и проследить непрерывную нить, связывающую воедино серию изложенных вами фактов" ("Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо XXII). Но м-р Браун, в заключение, потерпел неудачу в попытке "улучшиться". Очень быстро он потерял интерес к Обществу, и говорили, что, в конце концов, он присоединился к римско-католической церкви.

...чтобы вы отправились в Адьяр немедленно...

Почему Учитель озабочен тем, что м-р Ледбитер должен немедленно отправиться в Адьяр? Ответ на это находится в словах Учителя ниже: "Присоединяйтесь к Упасике в Александрии". Е.П.Б. уезжала в Ливерпуль утром после того, как м-р Ледбитер получил второе письмо с предложением плыть в Индию. Её сопровождали м-р Альфред Дж. Купер-Оукли и его жена м-с Изабель Купер-Оукли. Ни один из них не был челою. Ничто из того, что делал м-р Купер-Оукли, не показывало, что он когда-либо стремился к челству; м-с Купер-Оукли стремилась, но стала челою через несколько лет.

Но насколько это касалось здоровья и дел Е.П.Б., ни один из них не был хоть как-нибудь полезен. Я никогда не встречался с м-ром Купером-Оукли, хотя слышал кое-что о нём; но я хорошо знал м-с Купер-Оукли. М-р Купер-Оукли был "кембриджским человеком" и, по-видимому, из академической среды; но он был интроспективен и периодически впадал в состояние глубокой депрессии и уныния. Хотя он поехал в Индию с Е.П.Б. и оставался в Адьяре в течение нескольких лет помощником полковника Олькотта, у него не было особой преданности теософии. Он оставил Адьяр, чтобы стать секретарем Мадрасского университета, и был найден однажды утром в кровати мёртвым из-за передозировки наркотика. Нет ничего в отчётах, что бы показывало, что он когда-либо чувствовал какую-либо личную преданность Е.П.Б...

Его жена, напротив, была крайне предана Е.П.Б... Но она постоянно волновалась по поводу своего здоровья и уделяла этому большое внимание. Когда она приехала в Индию, она нашла, что её здоровье пострадало больше, чем она ожидала, и она была вынуждена возвратиться в Англию. Несмотря на различные и часто длительные расстройства здоровья, м-с Купер-Оукли трудилась день за днём до конца её жизни, чтобы служить Учителем и Теософическому Обществу. В своей преданности Учителем и Е.П.Б. она была безупречна. Но ни она, ни её муж не могли быть призваны для напряжённого служения.

Однако в м-ре Ледбитере было одно ценное качество; он был надёжен. Это Е.П.Б. знала; иначе она не написала бы своей собственной рукой, ниже его статьи в "Теософисте" за август 1886, "отважная душа", и не назвала бы его в экземпляре её "Голоса Безмолвия", который она дала ему, "мой искренне ценимый и любимый брат и друг." Он почитал Е.П.Б. как рупор Учителей, но также и восхищался ею и был её преданным слугой.

Полковник Олькотт был далеко от Адьяра; Е.П.Б. начала своё долгое путешествие в Индию только с этой парой Купер-Оукли. Большим желанием Учителя было, чтобы Е.П.Б. имела рядом с собой надёжного человека.

В дополнение к этому в Адьяре были крайне нужны способные помощники для полковника Олькотта в том, что, казалось, было критической и чрезвычайной ситуацией.

Там был Дамодар К. Маваланкар, чистый, самоотверженный, сердцем, умом и душой преданный Учителю. Но он чувствовал себя измотанным, и в начале 1885 его Учитель внял его просьбе об освобождении, и его вызвали в Тибет, чтобы быть с Учителем. Д-р Франц Хартманн был в Адьяре, но он не был челои, и он был враждебно настроен к Дамодару. Хотя у этих двух Учителей М. и К. Х. было несколько индусских чел в Индии, очень немногие могли быть отпущены с их работы, чтобы прибыть в Адьяр, и они не имели тех способностей, какие должны были помочь полковнику Олькотту и Е.П.Б. в том специфическом кризисе.

Возможно, Учитель рассчитывал на ту ценную роль в дальнейшем, которую м-р Ледбитер мог сыграть в кризисе. То, что священнослужитель англиканской церкви должен прибыть в Индию с Е.П.Б., когда она была объявлена миссионерами обманщицей, и открыто засвидетельствовать, что он не только верит Учителям и ей, но что также убежден в величии восточных религий (м-р Ледбитер принял буддизм, когда они приехали на остров Цейлон); все эти вещи оказали воздействие на ум общественности на острове Цейлон и в Индии и укрепили позиции тех, кто дрогнул.

Отплывайте 5-го...

Может показаться странным для тех, кто не знает, что Учителя, действительно, — адепты, что Учитель, живя в Тибете, может знать всё о маршрутах пароходов в Индию и о возможностях путешествия. М-р Ледбитер получил второе письмо ранним утром 1-го ноября, поскольку я нашёл запись в его дневнике: "Назад к Синнеттам в 2.00 с ключом".

В то же самое утро Е.П.Б. и супруги Купер-Оукли уехали в Ливерпуль, чтобы плыть оттуда в Порт-Саид, где они должны были пересест на пароход в Мадрас. "Присоединяйтесь к Упасике в Александрии", — инструктировал Учитель. Если бы м-р Ледбитер не смог присоединиться к ней в Египте, планы Учителя не были бы достигнуты. М-р Ледбитер излагает это так.

"Блаватская оставила Лондон в тот же день, отправившись в Ливерпуль, где она села на океанский пароход "Клан Драммонд". Тем временем я метался по конторам пароходных компаний в поисках билета для себя. На пароходе "Полуостровной и восточной пароходной компании", отплывавшем 5-го числа, не было ни одного свободного места ни в каком классе, так что мне пришлось искать другие пути".¹³

К октябрю месяцу все места на судах в Индию были заказаны задолго вперед; это — начало убытия в "холодный сезон" из Англии посетителей Индии. Пятьдесят семь лет назад не было очень многих пароходных маршрутов в Индию, какие есть теперь.

Единственный способ выполнить инструкции Учителя состоял в том, чтобы ехать по суше в Марсель и надеяться добраться до Александрии на каком-то французском пароходе. М-р Ледбитер решил, что это можно сделать, уехав из Лондона самое позднее ночью 4-го.

Так он и сделал. Но мы видим из кратких записей в его дневнике, какой трудной задачей это было, поскольку он должен был "вырвать себя с корнем" из его английской жизни и его дома, и "сжечь за собой все корабли." У него была хорошая библиотека, и наиболее необходимые книги нужно было упаковать, чтобы потом отослать их вслед за ним; у него был телескоп, который также нужно было тщательно упаковать и подготовить к отправке в Мадрас.

¹³ "Как теософия пришла ко мне", стр. 64 (Перевод К.З.).

Как ему удалось вовремя получить свою тропическую экипировку, я не знаю, поскольку в Лондоне тогда не было такого множества "колониальных экипировщиков", как есть сегодня. Следующие краткие записи в дневнике хорошо это передают.

1-го ноября. В Лондоне купил экипировку. Из Лондона [в Липхук] поездом в 4.10.

Поздно с Ф. и Дж. (Фрэнк У. Мэтли и его младший брат Джеймс У. Мэтли). 2-го ноября. Последнее [воскресенье] в Брэмшоте. До 3.00 с Ф. и Дж. 3-го ноября. Трудно на работе, весь день [с] заключительными мероприятиями. Показ фейерверка. До 3.00 с Ф. и Дж.

4-го ноября. Закупка товаров и улаживание счетов. В город утренним поездом в 8.16. Уехал в 9.05 пополудни из Черинг-Кросс. Мохини (Мохини Мохун Чаттерджи) и мисс А. (мисс Франческа Арундэйл) проводили меня. Очень бурное пересечение Канала.

В его воспоминаниях "Как теософия пришла ко мне" м-р Ледбитер замечает:

"Я поспешил в Гэмпшир паковать свой багаж и завершить свои дела, и могу сказать, что не ложился в постель, прежде чем покинул Англию" (стр. 64). Я полагаю, что одной из "заключительных мер" было устроить определённые платежи от имени молодого Джима Мэтли так, чтобы он мог быть принят кадетом в Коммерческое Морское училище на одну из основных специальностей, поскольку родители мальчика были не богаты и поэтому неспособны помочь своему младшему сыну исполнить его мечту — стать моряком.

Прибыв в Париж в 6.00 5-го, м-р Ледбитер выехал в Марсель в 11.15 тем же утром и прибыл туда в 6.00 следующим утром, и затем отплыл на борту французского парохода в Александрию. Когда, однако, он достиг Александрии, Е.П.Б. уехала в Порт-Саид.

Хотя он был задержан на пять дней из-за карантина, он присоединился к ней, в конце концов, в Порт-Саиде прежде, чем прибыл её пароход до Мадраса.

"Последние слова Блаватской в Лондоне, обращенные ко мне были: "Смотрите, не упустите меня", и теперь она приветствовала меня словами: "Ну, Ледбитер, вы и вправду прибыли, несмотря на все трудности". Я ответил, что, конечно же, я приехал, и что раз уж я обещал, то решил сдержать обещание, на что она ответила только: "Это было хорошо с вашей стороны", и затем погрузилась в оживленную беседу — а все беседы, в которых Блаватская принимала участие, неизменно были оживлёнными, — которая, очевидно, была прервана моим появлением".¹⁴

М-р Ледбитер рассказывает теперь, как планы Е.П.Б. были внезапно изменены по приказу её Учителя. Вместо того чтобы ждать в Порт-Саиде парохода в Мадрас, вся компания поехала в Каир. Во время железнодорожной поездки от Исмаилии до Каира, Е.П.Б. получила осаждённое сообщение от Учителя К. Х., в котором было одно предложение для м-ра Ледбитера: "Скажите Ледбитеру, что я удовлетворен его рвением и преданностью".

После нескольких дней пребывания в Каире, Е.П.Б. отослала м-ра Ледбитера назад в Порт-Саид "как своего рода курьера, чтобы заранее принять меры для некоторых специальных удобств для мадам Блаватской". Е.П.Б. и супруги Купер-Оукли присоединились в Суэце.

Не давайте никому знать, что вы едете...

Это запрещение, естественно, не касалось четырёх человек, с кем м-р Ледбитер был близко связан, его хозяев м-ра и м-с Синнетт, а также мисс Ф. Арундэйл и м-ра Мохини Чаттерджи, двух чел. Это было в доме мисс Арундэйл на Элгин Креснт, 77, где остановились Е.П.Б. и Мохини Чаттерджи. Вокруг Е.П.Б. было много теософов, некоторые были истинными теософами, но другие ими только назывались: те, кто был привлечён больше оккультными феноменами, чем Древней Мудростью.

¹⁴ "Как теософия пришла ко мне", стр. 68 (Перевод К.З.)

Была также теософская группа Кингсфорд-Мэйтлэнда, которых ничуть не заботил индуско-буддийский тон в учении Махатм. Мы можем хорошо представить себе любопытство, вызванное в среде теософов новостями из писем Учителей, приходивших в Лондон, учитывая раздражение от так называемого "разоблачения Куломбов". Члены Лондонской Ложи знали м-ра Ледбитера; участник в одеянии священника был редкостью среди теософов. Если бы они знали, что он едет в Адьяр, без сомнения, была бы устроена прощальная встреча — как среди теософов сегодня. Почему же был возможен ущерб от разглашения, что он едет в Индию?

Мы знаем из писем от этих двух Учителей, М. и К. Х., что их действиям по организации Теософического Движения бросили вызов "тёмные силы", названные в Тибете "дугпа", которые всегда находились настороже, чтобы препятствовать прогрессу человечества.

Истинными организаторами мадрасского нападения на Общество были не Куломбы и не мадрасские миссионеры, но ими были эти тёмные силы, которые использовали их (конечно, не знаящих об этом), как орудия в чужих руках, или как агентов. В этой борьбе между адептами и их врагами, эти тёмные силы всегда пытаются соблазнить, завлечь и сбить с пути каждого, кто известен как будущий чела. Несомненно, м-р Ледбитер должен был бы встретить их нападение рано или поздно. Но Учитель в это напряжённое и опасное время не хотел дополнительного осложнения.

Когда было получено второе письмо, никто, кроме самого м-ра Ледбитера и Е.П.Б., не знал, что он стал челою — не знал даже его друг м-р Синнетт. Если бы многие знали и говорили об этом, достаточно много "мыслетоков" и "облаков", относящихся к этой теме, были бы приведены в движение, чтобы привлечь внимание тёмных сил к м-ру Ледбитеру и к роли, которую он собирался играть как помощник Е.П.Б... Они бы яростно попытались опрокинуть план Учителя; существовала большая вероятность, что они могут устроить несчастный случай или некоторое осложнение так, чтобы м-р Ледбитер пропустил свой поезд или пароход, и таким образом, не смог бы присоединиться к Е.П.Б. в Египте.

Когда объясняется план, главное правило в оккультизме — "чем меньше сказано, тем лучше".

...пусть благословения нашего Господа...

В первом письме Учитель призывает "память нашего Господа Татхагаты". С принятием м-ра Ледбитера как челы Учитель тотчас же призывает "благословения нашего Господа", Татхагаты. Адепты не пользуются словами небрежно, как мы привыкли использовать их постоянно в нашей обычной речи. Слово "благословение" сегодня потеряло своё изначальное значение, и такая фраза, как "ваш отец посылает вам своё благословение", понимается не более, как передача чувства благосклонности и привязанности. Но есть нечто намного большее, чем даже в самом искреннем нашем благословении.

Благословение — это сила, передаваемая тем, кто благословляет тому, кто благословляется, энергия, которая инкорпорируется в природу приёмника, чтобы очистить и усилить его.

У каждого из нас есть такая сила, которую мы можем передать другому. Очевидно, что количество, качество и интенсивность этой силы зависят от стадии эволюции и духовности дающего благословение. Более поразительным является тот факт, что, чем больше благословения мы даём, тем больше увеличивается наша сила для благословения.

То, что мы даём другому из нашей души — единственное истинное благословение — не наше; мы являемся, когда мы даём, каналом большего Дающего, поскольку "всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены" (*Иакова, 1:17 — прим. пер.*).

В этом процессе передачи "свыше" есть стадии так же, как есть "ступени", когда электрический ток в десятки тысяч вольт "понижается" до напряжения в двести двадцать или сто десять для бытового использования.

Великий Господь Гаутама Будда, Татхагата, обладал духовной силой, превосходящей наши земные концепции, и давал на земле такие благословения, силу добра которых мы можем понять только смутно. Но после того, как Он "вошел в Нирвану", Его благословение может сойти на землю только через тех, кто связан с Ним на том плане.

Эти души — Его ученики, которые "живут и движутся, и существуют" в Нём. Будучи таким учеником Господа, Учитель К. Х. имеет привилегию предоставлять "благословения Господа", то есть возлагать на получателя Его благословения. Он использует эту силу, когда говорит м-ру Ледбитеру: "Пусть благословения нашего Господа защищают вас от всякого зла в вашей новой жизни".

...и мои скромные благословения...

Можно задать вопрос, почему Учитель использует эту уничижительную фразу о себе. Однако такое использование приводит нас к великому факту Оккультной Иерархии, у которого есть глубокое значение. Не единожды, но во всякое время adeпты показывают замечательное почтение Тому, кто был последним Буддой человечества, Гаутаме Будде, поскольку Он был первым из нашего человечества, достигшим, благодаря Его любви и самопожертвованию ради нас, такого высокого развития, как Будда человечества.

В системе руководства человечеством, определяемой как Оккультная Иерархия, три самых великих Адепта формируют треугольник сил Солнечного Логоса. Они — Господь Мира, Будда и Махачохан, каждый, будучи воплощением в мире силы и природы Первого Логоса, Второго Логоса и Третьего Логоса соответственно. На каждой планете семи кругов нашей земной цепи такой треугольник направляет действия эволюционных сил на той планете. Во время периода проявления Волны Жизни на планете есть три Господа Мира, семь Будд и Махачоханы, число которых не было показано.

Во время длительного прошлого человечества в первых трёх кругах и до периода четвёртой расы четвёртого круга, пост Будды занимался Адептами, которые прибыли в земную цепь из другой эволюционной системы, более передовой, чем наша, с Венеры.

Но Господь Гаутама Будда стал первым из нашего человечества, достигшим уровня буддства. Буддийские писания рассказывают о Его деяниях воли и Его самоотречении, и адепты подтверждают буддийскую легенду, как в основном правильную, по сути.

Я привожу такую легенду в пересказе для детей. ("Христос и Будда").

Решение

Давным-давно жил на земле благородный и храбрый человек по имени Сум#233; дха. В те дни там ходил среди людей замечательный человек Будда. Его звали Будда Дипанкара.

Однажды Будда и Его святые пришли в некий город. Горожане радовались Его прибытию, и всё было сделано, чтобы украсить город. Дороги были подметены и обрызганы, на деревьях развешаны флаги, и всё было нарядно украшено. Сум#233; дха присоединился к этой работе, поскольку он, зная о великольном человеке, Будде, был готов оказать ему почтение. Сум#233; дхе определили часть дороги, чтобы выровнять и подмести, и украсить; но когда Будда пришёл, его работа ещё не закончилась, и была одна большая лужа в середине той дороги, где Будда должен был бы пройти. Сум#233; дха, чтобы не позволить это, улёгся лицом в грязь так, чтобы Будда мог пройти мимо его тела с другой стороны.

И когда он, таким образом, лежал, он сказал себе: "Может быть, я однажды стану Буддой, как Будда Дипанкара; может быть, я так же однажды спасу мир".

Будда прошёл с другой стороны от его тела, затем остановился и посмотрел на лежащего Сум#233; дху. Он рассмотрел далёкое будущее в дением Будды, и увидел, что, когда пройдут века, Сум#233; дха исполнит свои стремления и будет жить на земле как Будда, Будда Гаутама.

Тогда Он поговорил с Сум#233; дхой и с другими вокруг него и сказал: "Этот Сум#233; дха — будущий Будда. Однажды он станет Буддой и спасёт мир".

Назначение

После Решения прошли многие, многие века. Многие Будды приходили и говорили свою Весть, каждый, в Свою очередь, передавая Своему преемнику духовное благосостояние мира. Но все эти Будды были не наши. Не было тогда никого среди нас, кто мог занять ту высокую должность, и таким образом, Будды из Дэв прибывали к нам с отдалённой Венеры. Но пришло время, когда люди должны были делать свою работу сами, когда её Будды и Ману уже были цветами этого, нашего человечества. Кто должен был стать первым Буддой, первым великим цветком нашего человеческого дерева?

В те дни только двое среди миллионов людей стояли значительно выше остальных в силе святости и любви — Сум#233; дха и Другой. В более поздние дни мы узнаём их, как Гаутаму и Майтрею, Будду и Христа. Великие, как Они, тогда уже были, но ни один из них не был готов получить квалификацию для должности будущего Будды четвёртой коренной расы.

Если бы никто не был подготовлен к должности в нужное время, то, конечно, человечество пострадало бы. Но казалось почти невозможным подготовиться вовремя, так много нужно было сделать за небольшое время, чтобы закончить это.

Тогда, малыш, Господь Будда, из любви к тебе, ко мне и миллионам таких, как мы, решил, что как бы это ни было трудно, Он ускорит Его развитие так, чтобы, когда настанет Его время для появления как Будды, чтобы утешить человеческие сердца, мир не останется лишённым помощи. Жизнь за жизнью Он трудился, предпринимая сверхчеловеческие усилия; и столь великим было Его отречение, такими громадными были Его достижения, что даже самые великие из адептов, малыш, говорили в страхе, любви и почтении, что Он пробился сквозь них, принеся Себя в жертву для нашей пользы. Таким образом, эти двое, уже давно продвигавшиеся на одном и том же уровне, были — один, Гаутама, получивший Назначение, и Другой, Майтрея, идущий с Ним по одному пути, Его главный помощник.

Завершение

Две тысячи шестьсот лет назад Сум#233; дха ходил среди людей как Будда человечества. То рождение Его было в Индии, и люди называли Его некоторое время принцем Сидхартхой из рода Гаутама; но, когда Его работа была осуществлена, и Он достиг буддства, Он назвал себя Самана Гаутама Татхагата. В течение восьмидесяти лет Он жил среди людей, это нередко бывает; в течение сорока пяти лет Он проповедовал и преподавал, любя Своих ближних больше, чем мать любит её единственного ребёнка. С каждым Он говорил соответственно его пониманию: со священниками и учёными — в глубоких понятиях их философии; с маленьким мальчиком — переходя на детские песенки и непринуждённо беседуя.

Когда настало Его, Будды, время, чтобы скончаться, Он оставил ту форму, чтобы никогда уже не возвращаться в теле, рождённом женщиной; и таким образом, уходя, Он передал в руки Его преемника, Майтреи, Господа Сострадания, Христа Помазанного, твоё благополучие, малыш, и моё, и других шестидесяти миллиардов, которые формируют наше человечество. Великий Адепт, известный, как Махачохан, однажды сказал, описывая Себя и Его товарищей, адептов, что все они — "преданные последователи духовного воплощения абсолютного самопожертвования, человеколюбия, божественной доброты, как и всех других

высочайших добродетелей, достижимых на этой земле печали — человека из человеков, Гаутамы Будды".¹⁵ А позднее один из Учителей, говоря об их мудрости и любви и сравнивая с таковыми Господа Будды сказал: "Мы чувствуем, как если бы мы были пылью под Его ногами".

Именно по этой причине Учитель К. Х., дав м-ру Ледбитеру "благословения нашего Господа", затем даёт ему свои "скромные благословения".

...защищают вас от всякого зла...

М-ра Ледбитера больше нет с нами, чтобы засвидетельствовать, каким образом Учитель оградил его с 1884, когда он вошёл в его работу, по 1934, когда он был освобождён от этой работы на физическом плане. Во время близкого и глубокого сотрудничества с ним в течение сорока пяти лет я не заметил ни одного момента, когда бы его чрезвычайное доверие Учителю дрогнуло бы даже в самой ничтожной малости, никогда не снижал его энтузиазм по поводу работы для Учителя. В течение одиннадцати лет моей жизни с ним в Англии с 1889 по 1900, когда он обеспечивал меня и моё образование, жизнь не была гладкой. У него не было никаких собственных средств, и он должен был зарабатывать на жизнь сначала как наставник сына м-ра Синнетта, затем как учитель, дающий уроки английского иностранцам в Лондоне, и позже, как журналист в штате Лондонского корпункта индийской газеты "Пионер". Был период, когда его доход был настолько низок, что он и я жили в крошечной комнате, арендная плата за которую составляла семь шиллингов. И места хватало только для двух кроватей, стола, нескольких стульев, одной или двух коробок и умывальника. Его значительная коллекция книг была упакована и помещалась под двумя кроватями. У меня были свои классы для посещения, у него — платные уроки или офис, куда он уходил. Моей функцией было заботиться о нашем очень скромном домашнем хозяйстве. Я вспоминаю день, когда единственными наличными деньгами была одна монета в полпенса, хотя несколько шиллингов и ожидалось к вечеру.

К счастью, у него всё ещё оставалась некоторая хорошая одежда, поскольку были строгие правила на встречах ложи м-ра Синнетта, Лондонской ложи, в которой м-р Ледбитер был секретарём, и где все должны были быть в полном вечернем наряде. Были случаи, когда его костюм и золотые часы находились у ростовщика. Во "внешнем мире", были подъёмы и спады для него; и особенно тяжелым был год 1906, когда его самый великий коллега, Анни Безант, казалось, нарушила узы глубокой дружбы между ними. Но его отношение было образцом спокойствия, единственной вещью, которая имела значение, была его верность работе Учителя, на которую не повлияло осуждение его другими, хотя он очень страдал из-за разрыва с его самым великим другом. Но он сказал тогда с непоколебимой уверенностью: "Всё будет в порядке, скоро она поймёт". Относительно того факта, что даже некоторые из его самых старых и наиболее уравновешенных друзей, на чьё здравомыслие он надеялся, повернулись против него, он напомнил высказывание Святого Павла: "Кто ты, осуждающий чужого раба? Пред своим Господом стоит он или падает" (*Римл.14:4 — прим. пер.*). Эта мысль для челы — как путеводный свет маяка, когда он брошен в бурное море кармы. "Перед моим собственным Учителем стою я или падаю; он — мой судья, и никто другой". Такое доверие Учителю — только другой аспект доверия себе.

Был один случай, когда "защита" его Учителя проявилась для него и предотвратила серьёзную рану. Однажды в Лондоне ветреным зимним вечером он возвращался после урока домой, наклонив голову и изо всех сил пытаясь держать зонтик против ветра и дождя. Внезапно он услышал голос Учителя: "Прыгай назад, быстро!". Он немедленно прыгнул назад, и только успел сделать это, как тут же перед ним упал колпак дымовой трубы, сброшенный ветром — или дугпа.

¹⁵ "Письма Учителей Мудрости", первый выпуск, письмо I

Когда он возвратился домой, он рассказал мне, что случилось только за несколько минут до этого.

Я знаю по себе, что является "защитой" Учителя, и я должен дать свои показания, хотя это будет рисунком в стороне от занавеса, который скрывает от мира внутреннюю жизнь. Я поступаю так с надеждой, что это может поощрить других к обещанию себе снова и снова быть "надёжным до конца". Учитель никогда не уменьшал мою карму и не препятствовал тому, чтобы я делал грубые ошибки. Но он видел, что я посвящаю себя его работе, и пытаюсь служить Делу Человечества по мере своих небольших возможностей, как он служил по мере своих, — поэтому, когда я был в затруднении, свет его нежности и понимания сиял передо мной; и тогда же он зажжёт перед моим воображением великие идеалы, чтобы я стремился к ним. Был случай в этом воплощении, когда самая ужасная карма всех моих жизней, превышающая самые неистовые наваждения моего воображения, должна была быть погашена, фрагмент всей кармы, который должен был быть удалён, но сила натиска которого непременно отняла бы у меня жизнь. За тридцать один год до того, как это случилось, он предвидел его приход и дал мне драгоценный подарок, истину "Постоянно помни обо мне", источник вдохновения, которое много лет поражало меня, потому что я тогда не заслужил его, хотя меня всегда, как ребёнка, удивляла его совершенная доброта и красота, мудрость и сила отца, смотреть на которого было очарованием и радостью. Он предвидел работу, которую я сделаю для него, несмотря на недостатки моего характера, и очень хотел того, чтобы я медленно развивал специальную сопротивляемость, которая была нужна мне для предстоящего тяжёлого испытания. И за три месяца до начала исполнения кармы, когда я жил с ощущением счастья, он показал мне, не намекая на бедствие, которое должно было случиться так скоро, картину будущей вечной радости, о которой я никогда не мечтал после того, как начал готовиться к удару кармы. Так, в течение всех лет ужасного испытания, когда он не мог уменьшить мучение от моей боли ни на йоту, видение, которое он дал, стояло передо мной, обучая меня никогда не терять надежду, напоминая: "Лю, я всегда с тобой, до последнего", и это было совершенно бесспорно, выше всяких сомнений, как свет и радость — не для меня, но для других. Такой была его защита для меня.

Если бы м-р Ледбитер был с нами в этот момент, он сказал бы всем, как я сейчас говорю: "Доверяйте вашему Учителю; работайте неустанно на него; и он даст вам то, чего желает ваша душа".

Приветствую вас, мой новый чела.

Главное стремление жизни было, таким образом, выполнено, поскольку м-р Ледбитер знал Учителя К. Х. во многих предыдущих воплощениях и пытался следовать за ним. Но только в этой жизни карма привела его к воротам Пути освобождения, который является также. Путём радости служения. "Память нашего Господа Татхагаты" вспыхнула в эго, и личность стала делать то, что низшему уму казалось чрезвычайно тёмным и неизвестным. Интуиция высветила поворотный пункт, и в двенадцатичасовой интервал поместились опыт и работа, на которые, как говорилось, требовалось, в среднем, семь лет.

Никому не показывайте мои записки.

Они были показаны мне с санкции Учителя спустя много лет. Но только в 1908 с разрешения Учителя письмо было опубликовано в январском номере "Теософиста". При публикации м-р Ледбитер преднамеренно не учёл этот постскрипtum: "Никому не показывайте мои записки". И точно так же пропустил его я, когда в 1919 переиздавал письмо в "Письмах Учителей Мудрости" первого выпуска. Почему?

Объяснение, которое я должен дать, является самой трудной частью написания комментария к этим письмам Учителя К. Х...

Поскольку это связано с глубоким разочарованием, которое великий теософ, любивший своего Учителя, принёс тому Учителю из-за интеллектуальной гордыни и нехватки интуиции.

Среди стойких приверженцев Теософического Общества вместе с Е.П.Б. и полковником Олькоттом был А. П. Синнетт. Его блестящим достижением была книга "Оккультный мир", в которой он объявил Западному миру о существовании адептов и их философии. Конечно, за годы до этого Е.П.Б. опубликовала её монументальную "Разоблачённую Изиду"; она, полковник Олькотт и другие в 1875 основали Теософическое Общество; и в 1878 с основанием "Теософиста" была начата замечательная работа. Но именно м-р Синнетт впервые в его "Эзотерическом буддизме" дал современному миру основную идею Мудрости Учителей, главным образом, о том, как они воздействуют на эволюцию человечества. Из ответов на многообразные вопросы, часто не очень связанные один с другим, м-р Синнетт ухватил своим умом общие линии того, что Учителя могли сказать относительно человека, невидимых миров, жизни после смерти и прогресса человечества в целом на тысячи лет. С "Эзотерическим буддизмом" родилось другое представление о Мудрости, которое ясно мыслящие умы современного мира могли исследовать и принимать.

Всё же у м-ра Синнетта был странный недостаток. Хотя он глубоко любил Учителя К. Х., к которому он обратился, как к "куратору", его стремление изменить определённые аспекты своего характера, чего желал Учитель, было недостаточным. К тому же у него было укоренившееся предубеждение относительно превосходства западных рас и неполноценности восточных рас. Хотя ему иногда внушала страх сила, которой адепты, очевидно, обладали, он так и не смог понять, что у них, представителей Востока, было, действительно, лучшее знание по всем вопросам, чем у него, представителя Запада. Нам нужно только прочесть объемистую корреспонденцию между ним и Учителями, чтобы заметить, как он постоянно продавливал свои взгляды относительно того, каким образом теософия должна быть представлена западным умам. Это не было простой шуткой, когда Е.П.Б. в экземпляре её "Изиды", данном ему, написала "Боссу", а после обозначения её собственного Учителя (без малейшего смысла непочтительности, но строго буквально в его американизме) — "Босс", она назвала м-ра Синнетта "Суббоссом".

Именно эта интеллектуальная гордыня заставляла его часто быть несправедливым, а Учитель говорит "жестоким", и к Е.П.Б., и к полковнику Олькотту. Американская демократичность и (для м-ра Синнетта) нехватка рафинированности и "общественных манер" полковника Олькотта сильно его раздражала. И точно так же он постоянно заблуждался относительно большей части качеств характера Е.П.Б...

Постепенно м-р Синнетт сделался настолько неблагоприятным в своих требованиях к Учителю и столь несклонным признать, что имеются твёрдые правила в оккультизме (чего желал Учитель К. Х.), что начал устанавливать постоянно растущий барьер между собой и "куратором", которого в глубине души он любил. Наконец, в 1884 после того, как началось нападение Куломбов, и его отношение к Е.П.Б. превратилось в постоянное осуждение "за глупости и грубые ошибки", из-за которых он считал её виновной, Учитель сказал ему:

"Ну, она, в сущности, мертва, и это вы сами — простите мне ещё одну правду — убили этого грубого, но верного агента, тем более такого, который, действительно, был вам предан".

"Друг, опасайтесь гордости и эгоизма, двух величайших капканов, уготованных для стремящегося вскарабкаться по крутым тропам Знания и Духовности. Вы открыли щель в стыке нашей брони для дугпа, и поэтому не жалуйтесь на то, что они нашли её и ранили вас".¹⁶

М-р Синнетт получил это письмо в Лондоне 10 октября 1884, за три недели до того, как м-р Ледбитер получил своё. Ранее, в июле того года, Учитель написал м-ру Синнетту: "Я решил сделать ещё одно усилие (последнее, которое мне разрешено), чтобы открыть вашу скрытую интуицию..."

"К несчастью, как бы велик ни был ваш чисто человеческий интеллект, ваша духовная интуиция слаба и туманна, так как она никогда не развивалась".¹⁷

Это произошло между 10 и 31 октября (дата первого письма м-ру Ледбитеру), когда с несколько большей, чем обычно, несправедливостью по отношению к Е.П.Б. м-р Синнетт закрыл (совершенно невольно, и в этом его трагедия), дверь в лице Учителя. И тогда Учитель написал:

"Правда на её стороне. Ваши обвинения чрезвычайно несправедливы и тем более болезненны мне, что исходят от вас. Если после этого утверждения вы всё же будете придерживаться той же самой позиции, мне придется выразить своё глубокое сожаление по поводу этой новой нашей неудачи и пожелать вам от всего моего сердца успехов у более достойных учителей. Несомненно, ей не хватает милосердия, но, действительно, вам не хватает проницательности.

С сожалениями ваш К. Х."

Но м-р Синнетт не изменил своего отношения до конца. За один год до его смерти, когда я видел его, он был всё ещё полон своих обид, уничижительных для Е.П.Б. и, в особенности, для её вклада в теософию.¹⁸

Когда я мальчиком приехал в Англию, я жил в их доме в течение двух лет. Хотя он был вежлив по отношению ко мне, мы были простыми знакомыми. Однако он всегда сердечно относился к м-ру Ледбитеру. Всё же, у меня была хорошая возможность наблюдать м-ра Синнетта и его привычки, ибо в 1894 меня допустили во внутреннюю группу Лондонской Ложи, как челу Учителя, и я присутствовал на более тесных и неофициальных собраниях группы, которые проводились для дискуссий почти каждый воскресный день по утрам в библиотеке м-ра Синнетта.

М-р Синнетт даже в 1889, когда я присоединился к его домашним, так и не понял, что он порушил свою связь с Учителем. Хотя он не получал больше писем, он был полностью убеждён, что Учитель всё ещё общается с ним через ясновидящую леди, которую он имел обыкновение погружать еженедельно в транс, всякий раз, когда она оставалась с ним и его женой (ради этого леди, которая жила в Ирландии, приезжала в Лондон несколько раз в году). Когда, несколько лет спустя, эта леди больше не могла действовать как рупор Учителя (во что м-р Синнетт твёрдо верил), он нашёл другую, а позже ещё одну. И когда я видел его в последний раз, медиумом был мужчина. И м-р Синнетт никогда не сомневался относительно подлинности сообщений, полученных через эти каналы.

М-р Синнетт имел твёрдое убеждение, что это не было делом ни одного из нас, как недостаточно достойных, а если бы когда-либо Учитель решил общаться, он начал бы с него, и только потом, через него, с другими. Это определённо явилось бы для него шоком, что м-р Ледбитер, новичок во всех теософических делах по сравнению с ним, получил письма, а он, м-р Синнетт, нет. Учитель не желал, чтобы м-ру Синнетту была причинена боль, отсюда слова: "Никому не показывайте мои записки". Пока м-р Синнетт был жив, ни м-р Ледбитер, ни я не хотели, чтобы он увидел это второе письмо опубликованным, поскольку он мог морально пострадать от этого запрета Учителя.

¹⁷ "Письма Махатм А. П. Синнетту", письмо LXII.

¹⁸ Но напротив, м-с Пэйшенс Синнетт, очень интеллектуальная женщина, поняла Е.П.Б. и делала скидку на её нетрадиционные манеры и импульсивность, поскольку она любила её. И Е.П.Б. знала это так же, как и Учитель.

Учитель знал эту особенность м-ра Синнетта — его веру, что он был единственным истинным выразителем пожеланий Учителя — поскольку в длинном письме, которое полковник Олькотт получил от Учителя на борту судна, которое приближалось к Бриндизи в 1888 (“Письма Учителей Мудрости”, первый выпуск, письмо XIX), давая ему совет и инструкцию относительно неприятной ситуации в Лондоне, Учитель добавляет постскрипtum:

"Приготовьтесь, однако, что подлинность настоящего будет отвергнута в некоторых штаб-квартирах".

То, что Учитель был прав, и что были "некоторые штаб-квартиры", мы видим из писем, написанных м-ром Синнеттом 12 и 23 октября 1888 м-ру Ледбитеру, который работал тогда на острове Цейлон.

"Одна странная вещь: у Олькотта есть письмо, очевидно, от Учителя К. Х., полученное в то время, когда он был на пути домой. После некоторого утаивания поначалу, затем он, разумеется, показал его мне — и я не чувствую себя вообще уверенным во всём этом. Внешне это очень похоже на другие письма с синим почерком, которые поступали во время кризиса 1884, — как мадам Б. признавалась мне впоследствии, в течение того времени Учителя стояли в стороне и оставили всё различным челам, включая свободу использовать синий почерк. Конечно, этот пункт является для вас лично наиболее строго конфиденциальным. Я не хочу поднимать новые волнения, подвергая сомнению подлинность письма — у которого, кроме того, нет никакой прямой ссылки на меня — хотя, в определённом смысле, написанном для меня; ещё одна деталь, которая делает это подозрительным при данных обстоятельствах, поскольку я вижу в своём собственном сердце, что моя внутренняя привязанность к Учителю и его идеям, насколько я могу интерпретировать их, так же неизменно безупречна, как всегда, как ни вы, ни я не можем сказать лучше. Письмо — непрерывное прославление мадам Б... Хорошо: если Он заставляет меня знать, что Он желает, чтобы я попросил прощения у мадам Б. за (имевшуюся?) ¹⁹ (у неё) неосмотрительность, я пошёл бы и извинился бы наиболее смиренно, но, между тем, я могу только следовать за внутренним Светом".

"Конечно, Олькотт, следуя своей бесхитростной привычке, считает письмо полностью подлинным, без мысли об изучении его, и он не виноват в том, что он делает так.... Я не думаю, что будет много пользы от того, чтобы сказать Олькотту, что я не верю в подлинность письма".

Таким образом, я заканчиваю эту патетическую историю выдающегося деятеля теософии, который, возможно, стал бы ещё более выдающимся служителем, если бы у него было меньше интеллектуальной гордыни так же, как меньше чувства расового превосходства. О его (снова неосознанном) предательстве доверия, оказанного ему недвусмысленным указанием Учителя никогда не издавать определённые личные и глубоко личные письма от него и его брата, Учителя М., я ничего не говорю здесь. Поскольку человек, деформируя свой ум вечной обидой, не полностью ответственен за нарушение долга, которое ему запрещает его честь.

[ТАКОВ КОММЕНТАРИЙ КО ВТОРОМУ ПИСЬМУ]

Третье сообщение от Учителя м-ру Ледбитеру — не письмо, а краткое послание из шести предложений в стиле редакторской правки, осаждённое на последней странице письма от Е.П.Б. во время почтовой пересылки. Есть несколько примеров этого метода, принятого Учителями, когда вместо того, чтобы писать письмо, они давали его содержание во вкрапленных словах или фразах, или писали на другой стороне письма.

¹⁹ Слово в скобках с вопросом и второе слово, также в скобках, имеются в оригинале.

Письмо, отправленное из Эльберфельда, Германия, м-ру Ледбитеру, живущему тогда в Коломбо, на острове Цейлон, имеет отношение к трагическому случаю, связанному с ещё одной неудачей чела на испытании. Это был молодой брамин из Южной Индии по имени С. Кришнамачари. Он был маленького роста и служил клерком в офисе коллектора в Неллоре, но между 1880 и 1881 ушёл в отставку и приехал в Бомбей к Е.П.Б. и полковнику Олькотту. Он тогда отказался от своего имени и назвал себя Баваджи.

Е.П.Б. получила инструкции от Учителей, чтобы использовать Баваджи как рабочего, и он был определён помощником к Дамодару К. Маваланкару.

В это время Учителем К. Х. был принят чела по имени Джуал К. Деб. Я думаю, что он был тибетцем, поскольку несколько лет жил в Тибете с Учителем. В Индии он был также известен под индийским именем, как Дхарбагири Натх. Причиной явилось то, что Учитель К. Х. нуждался в двух посыльных к м-ру А. П. Синнетту в Симле. Одним из посыльных был выбран Р. Кешава Пиллаи в Неллоре, и письма 65 и 66 второго выпуска детализируют помощь, которую он должен был оказать основному посыльному, Дебу.

Но Деб не мог пойти в своём собственном физическом теле, поскольку у него была определённая подготовка к оккультной работе, которую невозможно выполнять, если тело загрязнено грубым магнетизмом внешней среды. Баваджи дал согласие в определённых случаях покидать своё физическое тело так, чтобы Деб мог жить в нём и выполнять требуемую работу. В то время как Деб занимал тело Баваджи, последний жил в астральном, осведомлённый, что Деб использует его физический проводник.

Задача выполнялась, Деб уходил, а Баваджи снова возвращался. С этого времени Е.П.Б., полковник Олькотт, Дамодар и немногие другие, знавшие, что происходило, называли Баваджи также именем Дхарбагири Натх (которое принадлежало Дебу).

Когда в феврале 1885 Е.П.Б. уехала в Европу, её сопровождали д-р Ф. Хартман, мисс Мэри Флинн и Баваджи. В 1886, когда Е.П.Б. жила в Эльберфельде, в Германии, Баваджи, который до того времени смотрел на Е.П.Б. с почтением, изменился. Е.П.Б. описывает это изменение в её письме м-ру Ледбитеру; есть несколько писем от неё м-ру Синнетту и другим, в которых описывается это изменение в Баваджи, и особенно один важный факт, что тот утверждал, что он был принятым челою и был с Учителем в Тибете. Но именно Деб была принятым челою, а не Баваджи, который был только на более ранней стадии чела на испытании. Баваджи, тело которого, конечно, занималось Дебом в его специальной миссии, начал на основании этого создавать вокруг себя оппозицию Е.П.Б... Кроме того, он извращал факты, чтобы удовлетворить своему тщеславию.

В результате всего этого предательства и лицемерия, Баваджи был признан неудачей.

Учитель говорит: "Маленький человек *потерпел неудачу*". Комментарий Учителя к ситуации написан поверх последней страницы письма Е.П.Б., осаждённый на нём во время транзита в почте. Приблизительно год спустя, Баваджи возвратился в Индию; в теософических кругах о нём ничего больше не слышали. Спустя несколько лет, он умер в неизвестности.

Письмо также показывает факт, что, как и в 1884, м-р Ледбитер очень хотел послать письмо его Учителю, на сей раз через Е.П.Б... Но она утратила эти полномочия, поскольку Учителя по её просьбе освободили её от роли их опорного пункта для феноменов на физическом плане, после того, как началось миссионерское нападение, так как те, кто, казалось, доверяли ей, стали подозрительными. Именно тогда м-с Лаура Ч. Халловэй прошла испытания на предмет, сможет ли она обучиться достаточно быстрому и правильному реагированию, чтобы удовлетворить требованиям опорного пункта; но она потерпела неудачу. Мохини М. Чаттерджи, который был уже принятым челою, также испытывался, но он тоже потерпел неудачу.

Поэтому Е.П.Б. говорит, что она возвращает м-ру Ледбитеру его письмо Учителю. Но когда письмо Е.П.Б. прибыло в Коломбо, письма Учителю, возвращённого Е.П.Б., внутри не оказалось. Но вместо этого было сообщение от Учителя поверх последней страницы её письма.

Письмо Е. П. Б. Ч. У. Ледбитеру

Эльберфельд, 23 июня 1886

Мой дражайший Ледбитер!

Я была рада — искренне — получить ваше приветственное письмо. Что же до приложения, то я не возьму на себя его пересылку. Я не могу сделать этого, мой дорогой друг; я поклялась не доставлять больше писем, и Учитель дал мне право и привилегию отказать. Так что я отложила его и посылаю вам таким, как получила его. Если бы махатма К. Х. принял письмо и захотел бы прочитать, он бы забрал его из моего ящика, и то, что оно остаётся на месте, показывает мне, что он отказывается от него.

Теперь узнайте о новом развитии событий. Баваджи всецело *против нас* и *склоняется к разрушению Т.О.* Месяц назад он был в Лондоне и готовился плыть обратно в Индию. Теперь он здесь — и только небесам известно, *когда* он уедет, поскольку он живёт с Фрэнком Гебхардом (старшим сыном, который на его стороне, и кого он крайне *психологизировал*), и посеял разногласия и споры в семье Гебхардов; мать, отец и два сына — Артур и Рудольф, — остающиеся верными учению Учителей, — со мной, а Фрэнк — на его стороне. Он никогда не приходит к нам, хотя живёт через дорогу — и пишет и пишет тома учений *против наших доктрин*. Он делает и большее; он объявил всем, что собирается опубликовать манифест, в котором выразит сожаление, что внёс свой вклад, дурача публику относительно характера Учителей и того, что они *будут и могут* делать. Он утверждает, что на протяжении пяти лет находился под *майей*, психологической иллюзией. Он твёрдо верил в то время, что все феномены производились Учителями, что он сам был в прямом контакте с ними и получал письма и указания, и т. п., но теперь он (Баваджи) знает лучше. С тех пор, как он прибыл в Европу, он узнал истину, получив *озарение* (!!!). Он понял, что Учителя не могли *никогда*, ни в коем случае, связываться с ни нами, *ни даже со своими челами*; они никогда не могли писать сами или даже *стоять за* письмами или записками, осаждёнными с помощью их чел. Всё подобное было продуктом майи, элементаров, призраков, когда не было "обманом", говорит он. "Эзотерический буддизм" — это всё чепуха и галлюцинация. Ничто из того, что дано в "Теософисте" — не истинно. Моя "Изида" и даже "Тайная доктрина", по его мнению, продиктованы мне каким-то оккультистом или "духами" — но ни в коем случае не Учителями. На вопрос, как же он приехал со мной в Европу *по приказанию* своего Учителя, как он говорил, он теперь спокойно отвечает, что *ошибался*; он "изменил своё мнение" и знает, что это была его собственная иллюзия. Олькотт никогда не лечил никого месмеризмом, и ему никогда не помогали Учителя, и т. д., и т. п.

Более того, он настойчиво оклеветал Суббу Роу, Дамодара, Олькотта и всех в Адьяре. Он заставил многих европейцев утратить к ним доверие. Субба Роу, как он говорит, никогда в своей жизни не говорил правды европейцам; он дурачит их *всегда* и является лжецом; Дамодар — также великий лжец; один он (Баваджи) знает Учителей, и кто они есть. Если коротко, то он делает из наших махатм недоступных, *безличных* существ, столь удалённых, что никто не может их достичь!!! И в то же время он сам себе противоречит; одному он говорит, что провёл 10 лет с махатмой К. Х.; другому — что 3 года, опять же, что он ездил в Тибет несколько раз и видел Учителя только издалека, когда тот входил в храм и выходил из него. Он врёт самым ужасным образом. Правда заключается в том, что он (Б.) никогда не был в Тибете и не видел своего Учителя и с расстояния в 100 миль. *Теперь* у меня есть подтверждение этому от самого Учителя. Он был челой на испытании. Когда он прибыл в Бомбей, в Штаб-квартиру, ваш учитель приказал мне сказать всем, что он принял Кришну Свами и прислал его жить с нами и работать для Т.О. Он был послан в Симлу к м-ру С., и так сказать, *перепоручил свою личность настоящему челе*, Дхарбагири Натху, и с тех пор принял его имя. Будучи связана обетом молчания, я не могла противоречить ему, когда слышала, как он хвалился, что это *он* жил со своим учителем в Тибете и был *принят* настоящим челой.

Но теперь, когда он провалился как "испытываемый" по причине личных амбиций, ревности к Мохини и внезапно развившихся ярости и зависти — вплоть до ненависти — к полковнику и ко мне — теперь Учитель приказал мне рассказать правду. И что, как вы думаете, он сделал? Он посмотрел мне в лицо и спросил — что я знала о его прошлой жизни? Конечно, он не был у Учителя в течение тех пяти лет, когда он был с нами, но он знал махатму К. Х. за 12 лет до того, как впервые услышал о Т. О.!!! Когда я показала ему письмо Учителя, в котором ваш махатма подтвердил моё заявление, подчеркнув, что он (Баваджи) "никогда не видел *его* и не путешествовал в Тибет", м-р Б. спокойно сказал, что это было письмо *призрака*, поскольку махатма никогда не мог бы ни писать писем, ни что-либо говорить о своих челах.

Таким образом, он скрывается за тройной бронёй *безответственности*, и невозможно поймать его тому, кто подобно Фрэнку Гебхарду верит, что каждое слово Б. *боговдохновенно*. Б. не отрицает ничего; допускает всё, каждый феномен, и выкручивается из этого, говоря, что всё это *иллюзия*, его карма. Когда его ловят на вопиющем противоречии, он выворачивается, говоря, что *никакой чела не имеет воспоминания о времени, пространстве или цифрах (!)*, потому и противоречие. Когда ему показывают его собственную подпись, подтверждающую, что он защищал феномены и пропагандировал доктрины нашего Общества и Учителей, он отвечает: "О да; но я находился в иллюзии. *Теперь я изменил своё мнение*". Что тут поделаешь? Он склонился к разрушению *нашего* Общества, и когда он вернётся в Индию, то будет заронять сомнения в каждый индусский ум. Дамодар, который знает о нём правду и мог бы *разоблачить* его, далеко и не имеет желания возвращаться. Так что, если Субба Роу и немногие преданные индусы не помогут полковнику разоблачить его (а Суббая Четти²⁰ знает, что *он никогда не был в Тибете*), Общество пропадёт или получит ещё одно ужасное потрясение. До свидания, мой дорогой товарищ, и не теряйте, тем не менее, храбрости. Учителя *с нами* и защитят всех тех, кто твёрдо за них стоит. Пишите мне в Остэнде *до востребования*. Я буду там завтра.

Всегда вам верная и с братскими чувствами,

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

[Постскриптум наверху первой страницы:]

Мои любовь и благословения Дону Дэвиду²¹ и всем братьям. Мои огромнейшие и уважительные салямы высшему священнослужителю Сумангале.²² Просите у него для меня благословения.²³

Третье сообщение от учителя К. Х

Наберитесь смелости. Я доволен вами. Действуйте по собственному усмотрению и верьте вашей лучшей интуиции. Маленький человек *потерпел неудачу* и пожнёт *свою* награду. А пока — молчание.

К. Х.

КОММЕНТАРИЙ

²⁰ М-р Суббая Четти всё ещё живёт в Адьяре (в декабре 1941).

²¹ Анагарика Х. Дхармапала, основатель общества Махабодхи.

²² Высший священнослужитель "Адамова Пика", директор колледжа Видьёдаи для буддийских монахов, наиболее полезный сотрудник полковника Олькотта.

²³ Перевод К.З.

Наберитесь смелости.

Е.П.Б. говорит в конце её письма м-ру Ледбитеру: "Не теряйте храбрости". Все, кто близко сталкивался с Е.П.Б., знали, как быстро и остро реагировала она на каждый возможный ущерб или опасность для Теософического Общества. После большого удара, который Общество получило от нападения миссионеров, когда очень многих подвела их храбрость при необходимости открыто засвидетельствовать доверие истинным ценностям Общества, мы можем легко вообразить, как встревожило Е.П.Б. отступничество Баваджи. Её беспокойство, конечно, оказалось преувеличенным; потому что, за исключением разделения, которое он создал в семье Гебхардов, не было в это время в Обществе никаких последствий, которые могло бы вызвать нападение Баваджи на Е.П.Б... Но м-р Ледбитер был далеко на острове Цейлон, и письмо Е.П.Б. было достаточно тревожным, чтобы предположить, что на Общество спустился ещё один кризис.

Более уверенные слова Учителя "наберитесь смелости" показали м-ру Ледбитеру, что опасность для Общества не была похожа на ту, которая потрясла его до основания в 1884.

Я доволен вами.

Три простых слова, но, сколько энергии они, должно быть, принесли м-ру Ледбитеру! Нет уже ни одного из теперь живущих, кто знал бы так же, как я, какое напряжение и дискомфорт были здесь, — если бы он позволял себе принимать их во внимание — в то время, когда он жил в Коломбо в штабе "Буддийского Теософического Общества". То Общество никогда не было "теософическим"; и хотя некоторое время несколько сотен сингалцев стали членами родительского Теософического Общества, они были буддистами, в общем и целом, и я сомневаюсь, была ли, самое большее, хотя бы у полудюжины, когда-либо идея, что теософия может быть философией или жизненной позицией. Никогда не была атмосфера в цейлонском штабе "теософической", в полном понимании этого слова.

Кроме отсутствия благоприятной атмосферы Адьяра, просто физическая неприемлемость условий жизни в этом месте, в незначительном "туземном городе", в одной из его переполненных частей, для рафинированного европейца быстро перешла бы в желание уехать. М-р Ледбитер имел на втором этаже в конце здания, примыкающего к улице, одну маленькую комнату, служившую кабинетом, столовой и гостиной; крошечная спальня была отгорожена от веранды ширмой из холста. У него, конечно, была своя ванная, в которую он должен был спускаться на первый этаж; но рядом с ней был — не ватерклозет, поскольку в нём не было никакой воды, и даже не индийское приспособление с ежедневной "чисткой", но ужасная выгребная яма, вычищаемая один раз в год. Была печатная машина на первом этаже, и молитвенный зал для еженедельной проповеди от девяти вечера до полуночи.

Буддийское Общество определило ему маленькое пособие и обеспечило прислугу; но незначительность "прожиточного пособия" может быть подтверждена тем, что он жил, главным образом, на овсянке, хлебе и бананах, и кое-что оставалось на молоко. Чай и кофе были роскошью. М-с Синнетт имела обыкновение периодически посылать ему носки и носовые платки. Он должен был постоянно ездить по деревням, обычно ночью, в телеге с запряжённым волом, поскольку день был занят организацией школ, подписок и собраний. Первый год он путешествовал с полковником Олькоттом, но позднее — один. Дневники м-ра Ледбитера в течение этих лет содержат только краткое упоминание о местах. Но я, родившийся на острове, понимаю теперь, как трудно было вот так ездить; только после того, как я приехал в Англию, я понял, чем были для него те условия, в которых он жил, хотя в то время, когда я родился в такой среде, они не представлялись мне какими-то необычными.

Но он "оставался верным своей работе". Идя по стопам полковника Олькотта, именно м-р Ледбитер помог создать буддийское образовательное движение на острове Цейлон, хотя буддисты, кажется, едва ли знают об этом факте, даже сегодня.

Однако если Учитель сказал: "Я доволен вами", разве имело значение, что об этом не говорили другие?

...верьте вашей лучшей интуиции.

Проживая на острове Цейлон, он ослабил, таким образом, свои связи с членами теософического движения в Англии, и не было никого, кто бы держал его в курсе событий кроме Синнеттов²⁴, чьи письма я имею здесь, в Адьяре. В письмах м-с Синнетт сообщает обо всех теософических событиях, сообщениях, но не обсуждает их. М-р Синнетт искренне восхищался чистотой характера и мотивов м-ра Ледбитера, доверял ему и свободно высказывал ему свою точку зрения. Но почти всегда с предубеждением против Е.П.Б. и полковника Олькотта. По мнению м-ра Синнетта всё, что делал Штаб в Адьяре, было неправильными или неразумными вещами; движение в Европе было едва живо, и когда Е.П.Б. возвратилась в Лондон из Германии и начала активизировать жизнь Общества, она, согласно его сообщениям, принесла больше вреда, чем пользы.

Если бы м-р Ледбитер принял, как верное, всё, что описал м-р Синнетт, он мог бы очень беспокоиться будущим Общества, поскольку у него было глубокое уважение к м-ру Синнетту, и это было в течение многих лет до того, как уменьшилась вера его другу, как беспристрастному и надёжному информатору. Как раз в этот период, когда в письмах м-ра Синнетта появились мрачные тенденции, совет верить его "лучшей интуиции" был, очевидно, необходим, и поэтому Учитель даёт его.

Маленький человек *потерпел неудачу*...

То, как он потерпел неудачу, видно из письма Е.П.Б... Но почему? И кто это знает, кроме Учителя? Очевидно, привилегия быть принятым как "чела на испытании" ведёт к тому, что, не только скрытое добро, но также и скрытое зло, выходят на поверхность.

Баваджи — еще одна иллюстрация высказывания Е.П.Б., что "путь оккультизма усыпан катастрофами".

...и пожнёт *свою награду*.

Вряд ли мы знаем, что точно является кармическими "наградами", которые мы получаем, когда терпим неудачу в оккультизме. Очевидно, это сильно зависит от причины неудачи, — какая часть слабости, моральной трусости, гордости, амбиции, зависти или ревности сыграла свою роль в трагедии. Каждая сила, приведённая в движение на физическом, астральном или ментальном планах для добра или для зла, производит свой результат на её собственном плане. Если повод хороший, появится хороший результат на ментальном плане, плане намного большей силы, чем астральный или физический. Простые грубые ошибки из-за беспечности или апатии создают намного менее злую карму, чем ревность, зависть и амбиция.

Везде, где есть неудача, большая или маленькая, должен обнаружиться в будущих жизнях, по крайней мере, один эффект — препятствия, которые, одно за другим, преграждают нам путь, непостижимым и незаслуженным образом, когда мы нетерпеливо надеемся реализовать то или иное стремление. "Награда" за неудачу — крушение надежд в будущих жизнях. Всё же, никогда не бывает неудачи навечно. И любая польза, которая была принесена в служении человечеству и Учителям (а у Баваджи был отчёт о служении и там, и там), принесёт в будущих жизнях плоды в виде возможностей, несмотря на любые расстройства.

²⁴ Вероятно, иногда писала мисс Ф. Арундэйл, но, очевидно, не настолько важное, чтобы это стоило хранить для будущего чтения.

Утраченные возможности всё же принесут новые возможности, если пламя стремления где-нибудь в нас всё ещё горит.

А пока — молчание.

Храня в своём уме и в своём сердце слова Учителя, м-р Ледбитер был "молчаливым", упорно работал, полагаясь на себя и, пока его Учитель не позволил ему раскрыть оккультное знание, которое он приобрёл в результате Учительского тренинга, не представил никому никаких признаков того оккультного продвижения, которое он сделал как чела, выдержавший все испытания и всегда находящийся на своем посту.

[ТАКОВ КОММЕНТАРИЙ К ТРЕТЬЕМУ СООБЩЕНИЮ]

Это страница письма Учителя, из которого на стр. 74, я цитировал постскрипtum: "Приготовьтесь, однако, что подлинность настоящего будет отвергнута в некоторых штаб-квартирах". Письмо было получено полковником Олькоттом в 1888, осаждённое в его каюте. Это длинное письмо на одиннадцати страницах, и напечатано как письмо XIX в "Письмах Учителей Мудрости", первого выпуска. Десятая страница письма поясняется ниже. Различные теософические работники представлены их инициалами, среди них "Ч. У. Л."

Письмо учителя К. Х. Г. С. Олькотту

"Я желаю вас убедить: Т.Т., Р.А.М., Н.Н.С., Н.Д.С., Г.Н.Ч., Ю.Ю.Б., Т.В.Ч., П.В.С., Н.Б.С., Ч.С., Ч.У.Л., Д.Н.Г., Д.Х., С.Н.Ч. и т. д. среди прочих, не забывая других настоящих работников в Азии, за которыми всегда следует поток кармы, и мы, как и они, должны пробить себе дорогу к освобождению. В прошлом были мучительные, тяжкие испытания, другие ожидают вас в будущем. Пусть вера и мужество, которые поддерживали вас до сих пор, пребудут с вами до конца.

Вам лучше не упоминать об этом письме никому — даже Е.П.Б., пока она сама не заговорит с вами об этом. Времени всегда вполне достаточно..."

ИНИЦИАЛЫ В ПИСЬМЕ

Имена, в отношении которых я твердо уверен, следующие:

Т.Т. Тукарам Татъя

Н.Н.С. Норендро Натх Сен

Г.Н.Ч. Гьянендра Натх Чакраварти

Т.В.Ч. Т. Виджайарагхава Чарлу

П.В.С. П. Венчата Суббиах

Ч.С. (Пандит) Чандра Секхара

Ч.У.Л. Ч. У. Ледбитер

Д.Н.Г. Дина Натх Гангули

С.Н.Ч. С. Нилаканткумар Чаттерджи

КОНВЕРТ ПЕРВОГО ПИСЬМА

(иллюстрации, которые описываются ниже, не сканировались — *прим. пер.*)

Конверт воспроизведён в натуральную величину. Адрес написан чернилами, почерком Учителя К. Х... Кажется, Учитель намеревался написать "Англия" под названием города "Липхук"; но поскольку письмо должно было быть отправлено в Англии, он соскрёб букву "Е" и написал "Hants.", почтовое сокращение для Гэмпшира, так как это — английский

обычай указывать название графства, когда город не очень известен.

Письмо, написанное м-ром Дж. У. Мэтли (см. приложение), кажется, послали кому-то в Лондон, чтобы отправить почтой; этот человек второпях приклеил марку в неположенное место и вверх тормашками. "Кенсингтон" — почтовый район на западе Лондона; дата понятна "ОС-30-84".

КОНВЕРТ ВТОРОГО ПИСЬМА

Репродукция в натуральную величину. Конверт из белой бумаги, а китайские иероглифы и толстая линия вокруг них — красные. Клапан конверта наверху. Это, очевидно, обычный конверт, какие используются в Тибете, со своего рода текстом "открытки", напечатанным на нём. Среди писем от Учителей в Адьяре есть десять конвертов этого размера, в двух цветах, красных и синих, и нескольких типов дизайна. Приветствие на этом конверте — в понятии китайского джентльмена: "Да будет большая удача к Вашим услугам". Возможно, из числа многих типов конвертов был выбран этот специфический тип, как наиболее гармонирующий с благословениями в конце письма.

КОНВЕРТ ПИСЬМА Е.П.Б.

Он воспроизведён в натуральную величину. "ELD" — последняя часть места отправления, ELBERFELD. Немецкая марка на письме была удалена для чьего-то альбома для марок.

Е. П. Б. ДЛЯ Ч. У. ЛЕДБИТЕРА В 1886

Иллюстрация ниже — точное воспроизведение страницы "Теософиста" за август 1886 (стр. 686), на которой — статья Ч. У. Ледбитера "Анурадхапура и Михинтале". Экземпляр этого номера журнала, принадлежавший Е.П.Б., — здесь, в Адьяре, и она отметила в редакционной правке последние два параграфа, как воспроизведено ниже.

ПОДАРОК Е. П. Б. Ч. У. ЛЕДБИТЕРУ (I)

Следующее — репродукция в натуральную величину слов Е.П.Б., написанных на экземпляре её "Голоса Безмолвия", данном Ч. У. Ледбитеру.

ПОДАРОК Е. П. Б. Ч. У. ЛЕДБИТЕРУ (II)

Следующее — репродукция в натуральную величину слов Е.П.Б., написанных на экземпляре её "Ключа к теософии", данном Ч. У. Ледбитеру за несколько месяцев до того, как она скончалась.

Заключение

Когда придёт день, который освободит меня от моей Задачи и от этой тюрьмы из плоти, и я вернусь в Его "праздник", захватив с собой "пачку" моих трудов, выполненных "Во Имя Его и ради любви к человечеству", я надеюсь, что Он скажет мне, как Он сказал моему брату: "Я доволен тобой".

Приложение Джеймс У. Мэтли

Ч. У. Ледбитер в округе Брэмшот²⁵

Ч.У.Л. был викарием в Гэмпшире, в округе, называемом Брэмшот, и жил с его матерью в доме под названием "Хартфорд" в четверти мили от маленькой деревни Липхук. Пастором округа был преподобный У. У. Кейпс, человек, окончивший Оксфорд с дипломом первой степени по двум специальностям; его жена, м-с Кейпс, была тетей Ч.У.Л... Другим викарием был м-р Кидстон, который был женат и жил в отдалении вдоль той же самой дороги.

Я лишь смутно помню м-с Ледбитер; у неё были такие прекрасные серебристые волосы и лицо, которое подсознательно привлекало. Был также в округе непрофессиональный священник, старик. Когда он умер, приехал другой викарий. М-с Ледбитер умерла прежде, чем я ближе узнал Ч.У.Л., и после её смерти приехал как викарий м-р Кэтрайт, поделив дом с Ч.У.Л... Я не забываю кота Питера — любимца Ч.У.Л., величественного, полосатого, большого, который всегда обретался в его комнате — и днём, и ночью; он оставил его нам, когда уехал. Перед домом рос большой дуб, и на него зимой Ч.У.Л. подвешивал кусочки мяса для голодных птиц; был, конечно, хороший сад, который Ч.У.Л. любил.

Понятия не имею, когда Ч.У.Л. прибыл в Брэмшот, но мне кажется, что я всегда помнил его. Мой брат Фрэнк, который старше на шесть лет, был первым, у кого было много дел с ним, он учился играть на органе и обучался музыке вообще, и был в хоре; и когда я достаточно подрос, то также пришёл туда, в девятилетнем возрасте, я полагаю. Однажды в субботу я впервые встретился с Ч.У.Л.; я был с двумя другими мальчиками, в возрасте, я думаю, между девятью и десятью годами; у нас была собака, и мы пошли, надеясь, что собака поймает нам кролика (я думаю, что кролик был довольно безопасен).

Мы встретили Ч.У.Л. на пути, вернее, он был с моим братом на маленьком холме, и, кажется, стрелял из спортивного пистолета в какую-то цель; он навёл пистолет на нас и выстрелил, и для забавы я упал; но он, зная реальное положение, был, я полагаю, не очень встревожен. Они спустились к нам, и Ч.У.Л. захотел узнать, что мы делаем. Мы объяснили, и тогда Ч.У.Л. сказал Фрэнку, что он думает, что сейчас подходящий момент для нас, потому что он может предложить более хорошее развлечение, чем то, которое я задумал. Таким образом, я тут же был взят, и с того времени мы трое были всегда вместе, когда, возможно, и стали, как три брата. Только учебные и прочие обязательные занятия препятствовали нашим встречам, которые были в "Хартфорде". Это было после смерти м-с Ледбитер.

Свободные вечера использовались для разучивания песен и другой музыки, или игры в юкер; по субботам организовывались продолжительные прогулки по всем привлекательным местам в окрестностях, и, время от времени, ещё дальше от дома, в Портсмут, для осмотра достопримечательностей там, и в Лондон, где я в моё первое посещение театра "Савой" видел с ним "Принцессу Иду". Гилдфорд был любимым местом для лодочных прогулок по реке Уэй, то же самое по реке в Мидхарсте. Ч.У.Л. организовал местное отделение "Юнион Джек Филд Клуб" Дж. А. Хенти, и несколько хороших мальчиков присоединилось к нему. Я думаю, что это был клуб, в котором вы обещали не быть жестокими к любому живому существу и сообщать что-либо интересное, что произошло среди существ вокруг вас. Во всяком случае, мы время от времени с толпой мальчиков совершали прогулки в лес и через пустырь, собирая все виды образцов естествознания. Ч.У.Л., конечно, был фаворитом среди мальчиков, именно с ними он, казалось, был чаще всего.

Было также сформировано, благодаря Ч.У.Л. и этим мальчикам, церковное Общество. Я думаю, дело было в том, что мы обещали не врать, быть чистыми и хорошими, насколько сможем.

²⁵ С 1890 и почти до самой смерти его в 1939, я имел обыкновение встречать Джима Мэтли в Англии всякий раз, когда его судно возвращалось сюда, а позже, когда он был плантатором в Папуа, всякий раз, когда он и я были в Австралии в одно и то же время.

Он написал это сообщение по моей просьбе несколько лет назад. Последняя часть письма была получена от него после смерти епископа Ледбитера.

Если какой-либо другой мальчик желал присоединиться, то он должен был быть предложен и одобрен; тогда, если у кого-либо было какое-нибудь возражение насчёт него, что он не был правдив или сделал что-то, что не было правильным, он был (так сказать) забаллотирован в течение определённого времени. На встречах, проводимых каждые две недели, мы пели, рассказывали истории, или организовывали чтения, Ч.У.Л. же обеспечивал подкрепление в виде пирога, фруктов и орехов; следовательно, была острая конкуренция, чтобы войти в Общество, которая, я думаю, коснулась всех мальчиков старше десяти. Мне кажется, это вызывало некоторую ревность, что только церковные мальчики могли присоединиться, а там была довольно значительная масса инакомыслящих. Ч.У.Л. организовал также молодёжное отделение Общества Умеренности англиканской церкви, это и для мальчиков, и для девочек, и был успех и большое количество присоединившихся. Это было в марте 1888 (явная описка — *прим. пер.*), и я думаю, что я был под первым номером в ведомости.

Встречи были оформлены очень привлекательно; они открывались молитвой, Ч.У.Л. был облачён в стихарь, пелись один или два гимна, с которыми можно было ходить, получая от этого удовольствие. После этого стихарь снимался, и исполнялись все виды песен, солировал любой, кто мог; я был востребован здесь, поскольку имел обширный репертуар, а в хоре присоединялись все. Чтения также проводил Ч.У.Л. или некоторые из мальчиков или девочек; давался ежегодный чай и также какой-либо небольшой подарок, я полагаю, в виде книг, приличных книг, а не из тех книг ханжеского типа, рассказывающих о выдуманных мальчиках и девочках; у мальчиков были Майн Рид, Мэриет и Кингстон; названия книг для девочек не запомнил.

Приблизительно в это время Ч.У.Л. имел обыкновение посещать много спиритических сеансов, и одну Пасху мы потратили на посещение в Лондоне дома м-ра Хаска, где был знаменитый Неотразимый, а также посетили Эглинтон. Хаск был в "Хартфорде" однажды ночью у него для сеанса; я думаю, что м-р Крауфер приходил так же, как мы трое. Мы весьма неплохо провели время, и было много феноменов. Астрономия была любимым хобби Ч.У.Л., и для этого у него был прекрасный телескоп; я думаю, что в нём использовался 12-дюймовый рефлектор. Я помню, у нас было много занимательных вечеров в саду, когда мы смотрели на звёзды и луну. Однажды было затмение луны; Ч.У.Л. наблюдал тень, которая появилась прежде, чем затмение фактически началось, и он написал небольшую статью об этом, и было признано, что, по всей вероятности, это тень, отброшенная Андами.

Летом 1884 мы втроём пошли на месяц в Рамсгит и замечательно провели время, посещая все окрестные места; также прошли через Францию, это была моя первая большая морская поездка; я думаю, что Ч.У.Л. был нездоров, но я не был, ни тогда, никогда-либо ещё. Ч.У.Л. учил меня плавать в Рамсгите, и он чуть не утопил меня, а также спас меня в другой раз. Мы купались, когда был отлив, и изображали прыжки лягушек. Ч.У.Л. попытался прыгнуть через мою голову в воду. Но его рука соскользнула, а его нога в купальных трусах с большим расширением захватила этим расширением мою голову, и они быстро и легко наделись на неё. Мы упали довольно глубоко в воду; я не знаю, что случилось после, но я пережил несколько тягостных моментов, поскольку я не мог ничего понять, пока мы тащили друг друга. Другой раз в море (я учился плавать несколькими способами) я поплыл туда, где стоял Ч.У.Л... Затем, убедившись, что уже неглубоко, пошёл по мелководью; но волна сбила нас обоих с ног, а меня унесло так далеко, что я почти утонул, прежде чем Ч.У.Л. смог добраться до меня.

Он начинал все виды игр для мальчиков и всегда участвовал в них, он неплохо играл в крикет; мы имели обыкновение много заниматься теннисом, и я думаю, что он предпочитал его крикету. Приблизительно в это время я усваивал французский язык, тригонометрию и навигацию, Ч.У.Л. учил меня в свободное время; но со встречами, участием в хоре и моими собственными уроками музыки и практикой для этого, времени было мало, хотя мы, кажется, выполняли всё это. Я помню, Ч.У.Л. сочинил немного музыки на стихи некоей м-с Химэн.

Мне понравилась музыка, я не знаю, из каких стихов были эти слова, они звучали так: "В тени пирамиды, где мы похоронили нашего брата". Мне кажется, что у моего брата Фрэнка всё же есть эта музыка.

Вы знаете из других источников, что Ч.У.Л. пришёл в теософию через спиритизм. Я думаю, что он попытался дойти до Учителя через спиритического медиума Эглинтонна.

Я не совсем уверен теперь, как, наконец, он пришёл к тому, чтобы стать теософом, то есть, присоединиться к Обществу. Во всяком случае, он решил предложить свои услуги Учителю, и я думаю, что мадам послала сообщение. Ответ пришёл любопытным путём; письмо прибыло к кому-то в Англию, чтобы быть отправленным по почте к Ч.У.Л., и Учитель послал в нём своё сообщение. Человек, который отправил письмо, конечно, понятия не имел, что было в письме.

Я думаю, что он собрался и уехал почти сразу. 3-го ноября должен был быть показ фейерверка для хора и участников Общества Умеренности англиканской церкви. Всех в обоих обществах пригласили к Хартфордскому дому для показа фейерверка, и я думаю, что был также чай и пирог. Я не уверен теперь, что дата показа фейерверка соответствовала тому назначенному дню или что она была передвинута. Это было хорошее зрелище; мы занимались установкой "кэтрин" на колёса и подготовкой всего; у нас тогда была коробка фейерверков, все в хорошем состоянии, чтобы их можно было раздать, как требуется; ракеты, римские свечи и тому подобное. Было темно, конечно; показ начался около 20.00. Нескольким мальчикам разрешили использовать хлопушки, и разбрасывать их; один из них, я забыл его имя, решил бросить её в коробку фейерверка. Результат был просто великолепен, но и опасен также; каждый вид фейерверка, применённый тогда, — римские свечи, стреляющие в аудиторию, и даже ракеты, — опасны вблизи, но зрелище замечательное. Мы все решили, что это, действительно, превзошло всё, что-либо ранее устроенное. Это было насыщенное время; я хорошо помню тот фейерверк. После него все пошли домой.

Мы втроём пошли в комнату Брата²⁶, чтобы распределить и упаковать вещи. Фрэнк и я ушли из Хартфордского дома рано утром, Фрэнк вёз к нам на тачке массу разного сорта книг; мы пошли коротким путем, через поле, двигаясь медленно, я был слишком маленьким, чтобы толкать тачку, но нёс вещи. Он уехал 4-го ноября 1884; никто, кроме нас троих, ничего не знал; остальная часть людей осталась в неведении.

Написано после смерти епископа Ледбитера

Его друзья не забыли его и всё ещё думают обо всем, что он попытался сделать для них, и в своей любви я уверен. Для меня он всегда был братом, и это означает всё, что этим можно обозначить, я думаю. Если это возможно, он был чем-то большим для меня — таким братом, о каком мир в целом не имеет понятия. Я не думаю, что я могу возместить ему всё, что он сделал для меня, это может только мир в целом, и я знаю, что понравится ему больше всего.

ДЖ. У. МЭТЛИ
Плантация Вангануи,
Самараи, Папуа.
КОНЕЦ
Перевод S.Z.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

²⁶ "Брат" — это имя, которое все использовали при обращении к епископу Ледбитеру после того, как он обосновался в Сиднее.